

ИЛЬЯ ИВАНОВ

МИФОЛОГЕМЫ

ТОМ I

ПРОМОВЕРЖЕЦ И ЗМЕЙ

12+

Илья Иванов
Мифологемы. Том 1.
Громовержец и Змей

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68071349
SelfPub; 2023*

Аннотация

Мировая мифология стоит у истока многих важных культурных сфер человеческой деятельности – философии, религии, идеологии. Но при этом мифология окончательно не изучена и имеет множество способов ее исследования и интерпретации, что может бесконечно порождать спекуляции на ее основе. Данная работа представляет собой попытку исследовать мифологию путем анализа ее информационного материала. Своеобразными единицами исследования являются мифологемы – уникальные сюжеты, встречаемые в мифах разных народов. Одни и те же мифологемы встречаются в самых священных книгах человечества – Библии, Махабхарате, Авесте, греческих мифах и подтверждают, что какое-то время у человечества была единая история. Если вы хотите узнать тайны мифологии, то эта книга для вас.

Содержание

Вступление	5
Часть I. Термины	21
Миф и мифология	21
Мифологемы	29
Примеры мифологем	34
Происхождение мифологем	41
Культурные заимствования мифологем	48
Религиозно-политические заимствования мифологем	53
Краткая история государств и религий	59
Донор и реципиент	70
Трансформации мифологем	79
Частные трансформации	85
Сюжетные мифологемы и их трансформации	87
Лингвистические мифологемы и их трансформации	91
Образные мифологемы и их трансформации	97
Ролевые мифологемы и их трансформации	101
Информационные мифологемы и их трансформации	106
Географические мифологемы и их трансформации	111
Межвидовые трансформации	115

Структурные трансформации
Конец ознакомительного фрагмента.

117

125

Илья Иванов

Мифологемы. Том 1.

Громовержец и Змей

Посвящается моему другу, Худеньких Константину Олеговичу. Мы вместе с тобой искали какие-то истины, перечитывали тонны литературы и бесконечно обсуждали что-то на кухнях. Ты больше всех ждал выхода моей книги, но, к сожалению, скончался за несколько дней до ее полной готовности. Покойся с миром, дружище. Мира всем нам!

Вступление

Самым сложным в моей книге мне было написать вступление. Ведь во вступлении я должен был объяснить читателю, зачем я занялся этой работой и что к этому меня привело. А эта работа, достаточно амбициозное исследование мифологии, должна была объясняться высшей целью.

Нет, я не был тем человеком, который собирался лезть в эти дебри. Мифология никогда не являлась объектом моей специальности, хотя любовь к мифам у меня была привита с детства. Еще будучи юным школьником, я залез на бабушкину полку с книгами, откуда извлек том греческих мифов

и восхищенно стал читать. История Зевса, Геракла, Ахилла, Одиссея и Ясона захватывала меня не меньше, чем фантастические рассказы или приключенческие романы. И, конечно, я не остановился на греческих мифах и с упоением читал другие мифы – Библию, мифы Индии, Египта, русские сказки, предания о короле Артуре и многое другое.

Но, несмотря на то что миф был мне отчасти интересен, я никогда не стремился к его познанию. Для меня миф был нерешенной загадкой, скрытой туманами древности, которую, как я надеялся, кто-нибудь окончательно разгадает. На себя я в этом вопросе несколько не полагался, ведь, на мой взгляд, эта сфера требовала иного склада ума, чем у меня. Сомнения в собственных силах вызывали и чтения профессиональных книг и статей о мифологии, которые богато обросли терминологией. Казалось бы, в мифе все изучено и нет необходимости что-то пересматривать.

Но однажды все же я решил зайти в эти воды. Проблема была не в мифологии, а в том, что она была практически в основе всего – мировоззрения человечества, философских истин, психологии, религии. Мифология казалась краеугольным камнем массивного храма, который представлял весь исторический и культурный опыт человечества. Все это – религия, эзотерика, теософия – было лишь надстройкой над мифологией, и ключи от большинства дверей скрыты в мифах. Мне пришлось исследовать миф, чтобы найти ответы на множество терзающих меня вопросов.

Книга родилась в определенное время и в определенном месте – в постсоветской России, которая заразилась множеством течений – религиозных, эзотерических, философских. Эти течения некогда были порождены материальным кризисом страны, выпрыгнувшей из информационного вакуума СССР.

Огромное количество религий, сект, идеологий, мировоззрений – все это представляло собой неуправляемый поток, который обрушился на постсоветских граждан как холодный душ. Как грибы росли различные эзотерические учения, обещавшие тайные знания своей пастве. Здесь были и христианская, и восточная эзотерика, секты, неоязыческие движения, псевдонаучные работы по пересмотру мировой истории, псевдоисторическая публицистика и многое другое.

В основе большинства новых учений лежала та или иная мифология, которая интерпретировалась авторами на свой вкус. Все эти учения охотно принимались гражданами, которые давно потеряли какую-то почву под ногами.

Этот водоворот можно было назвать изначальным хаосом греческих мифов. Но вместо богов он порождал хтонических чудовищ – идеологических химер, которым было напичкано постсоветское пространство, искавшее выход из кризиса – материального и духовного. Водоворот задел умы не только граждан, но и элиты, пытавшиеся создать какую-то новую идеологию.

Поскитавшись в пучинах хаоса Россия сформировала

некую общую неоднородную идеологическую субстанцию. Целостным мировоззрением это было сложно назвать – скорее обрывки неоязычества с христианством, помноженные на марксистские теории.

Порожденные химеры были полны внутренних противоречий, но каким-то образом смогли существовать, несмотря на разрывающие их внутри силы. Страна искала духовный путь, который бы помог ей обрести себя.

Но попытка родить очередную русскую идею обернулась очередным провалом. Вероятнее всего, для создания этой идеи сначала надо было избавляться от лишнего – ошибок, заблуждений, а не заполнять внутреннюю пустоту чем попало. В итоге мы породили пласты новой мифологии, запутавшись еще больше.

Впрочем, эта книга не о политической мифологии, а о классической. Это лишь описание той эпохи, которая повлияла на мои поиски. Как и большинство моих сограждан, я оказался затянут этим информационным водоворотом. Я был любопытен и постоянно заражался теми или иными идеологиями, постепенно разочаровывался в них и заражался чем-то новым. Но с каждым новым увлечением мои вопросы росли, а предлагаемые ответы разочаровывали. Я понял, что в моих поисках могу полагаться только на себя.

Мне хотелось навести порядок как в своих мыслях, так и в том идеологическом хаосе, охватившем даже не только мою страну, но и практически весь мир. Мне хотелось уви-

деть истинную суть вещей, причину появления тех или иных явлений, развеять какие-то иллюзии.

Я пошел несколько дальше и решил начать с основ – мифологии. Разобравшись в мифологии, можно было разобраться во всех заблуждениях человечества и пресечь любые спекуляции навязать нам что-то лишнее. Так родилась эта книга.

Первые зачатки моей работы выросли из небольшой статьи, которую я некогда писал для некоего забытого интернет-форума. Статья была посвящена мифическому царю Нимроду и Вавилонской башне. Я изучал все мифы на схожую тему из различных источников, пытаюсь как можно больше узнать об этой истории.

Тема на тот момент была мне интересна, я был увлечен различной эзотерикой и палеоуфологией и пытался найти в этих мифах нечто фундаментальное. А поводы для этого были – ведь кроме библейских и армянских преданий было множество аналогичных сюжетов как в мифах Древнего Востока, так и в преданиях древней Мексики, из чего я строил определенные параллели.

Несмотря на то, что ничего существенного в истории Нимрода тогда найти мне не удалось, я решил более основательно перетряхнуть мифологию и провести анализ для выявления подобных закономерностей.

С моей стороны было чистым хулиганством – писать работу с нуля из тщеславия и любопытства. Однако, для меня

это была попытка поиска чего-то большого – ни один автор прочитанных мною книг не отвечал моим запросам. Я поставил задачу написать книгу, которую мне бы самому хотелось прочитать, и которая бы соответствовала моим требованиям.

Конечно, при написании книги я неоднократно задавался вопросом, а стоит ли дилетанту вроде меня лезть в такие сферы. У меня нет соответствующего образования исследования древних культур и истории. Я до этого не писал подобные работы, да и область моей специализации – инженерные науки.

Но в процессе исследования я ознакомился с рядом схожих работ и убедился, что и без меня тема мифологии щедро изучена и разобрана огромным количеством дилетантов разных мастей. Среди массы этих авторов, возможно, я буду не самым худшим.

Моя работа основана на реальном опыте, и все теории, изложенные в книге, подтверждены практикой. Приведенный в книге материал по-своему уникален, а что из него извлечь, читатель решит сам. Я никогда не давлю на своего читателя и не претендую на абсолютную истину и даю возможность принять или не принять мою точку зрения. Более того, многие вопросы в моей книге останутся без ответов. Не исключено, что при чтении моей работы читатель увидит какие-то детали, которые укрылись от моего взгляда.

Несмотря на дилетантизм и сомнительность ряда моих ис-

следований, на мой взгляд, я все же добился весомого успеха, а результаты работы могут быть интересны традиционной науке. Ведь в целом моя работа не противоречила взглядам на мифологию людей вроде Самюэля Крамера, Роберта Грейвса, Дэвида Рола, Джеймса Джорджа Фрэзера и других исследователей мифа, авторитетных для меня. Наоборот, моя работа являлась продолжением и развитием их работ.

Возможно, важным составляющим моего успеха было то, что я относил себя не к той группе ученых, которые традиционно занимаются мифами, – востоковеды, археологи, историки, искусствоведы. Я относил себя скорее к исследователю информации, что было ближе к таким наукам, как логика, кибернетика, психология и даже математика.

Изучая миф как некий аналог математической информационной матрицы, я создал и соответствующую терминологию. Термины вроде «погрешность мифа», «трансформация мифа» или «единица мифа» отчасти напоминают термины математики, но все же мы говорим о слове. Обо всех этих терминах и их применении мы поговорим позднее.

Положительным качеством меня, как исследователя информации, было отсутствие сложившихся стереотипов, которые зачастую неизбежно формируются в гуманитарных науках. Отрицательным – все же та огромная пропасть информации, которая мне требовалась для работы и которой я не знал. Мне пришлось ознакомиться со многими научными

трудами, преимущественно связанных с историей Востока, древней Месопотамии, Ассирии, Египта. В некоторых случаях мне понадобилось вникать и в ряд мертвых языков – шумерского, египетского, латыни.

Возможно, моя книга местами покажется сухой и нудной, однако этого не избежать – мне хотелось, чтобы читатель терпеливо прошел со мной весь путь от начала до конца. Я не мог и исключать, что где-то существует альтернативный вариант моего исследования другого автора, поскольку как дилетант не обладал доступом ко всей литературе подобного рода на всех языках мира. Я даже боялся знакомиться с подобными книгами из опасения «заразиться» чужими работами и сбиться со своей логической цепочки. К моему счастью, если таковые книги и попадались в процессе работы, то влияли на нее лишь в лучшую сторону.

В самом начале исследования я создал таблицу с указанием схожих моментов тех или иных мифов. Анализируя эти параллели, я понял, что мир мифов намного сложнее, чем я представлял. Одно дело – увидеть пару-тройку совпадений в мифах. Другое дело – сформировать их в некую понятную систему и увидеть связь. А связи как раз не было видно.

Мифологию можно было назвать некой информационной матрицей, в которой царил настоящий хаос. Ее можно было назвать и непредсказуемым, как бурлящая река, потоком информации, в котором было слишком много составляющих и производных, чтобы найти параллели и понять уравнение,

которому подчиняются спрятанные закономерности матрицы.

Мне стало очевидно, что параллели между мифами не случайны, а являются следствием какого-то закона. Пытаясь найти как можно больше параллелей и иных зацепок, я начал детально изучать крупные мировые эпосы – Библию, Шахнаме, Махабхарату, мифы Египта и Греции. Найденные связи я по привычке попытался подогнать под некую сформированную концепцию, опираясь на авторитетные для меня работы, но в итоге получалось что-то совершенно иное.

Из этого я сделал вывод, что авторитетность того или иного мифа можно ставить под сомнение. Невозможно было двигаться дальше, не подвергая критике какие-то основы. В большинстве случаев многие видные мифы представляли собой сложную трансформацию других, более простых мифов. Большой миф словно пожирал локальные мифы тех или иных народов и переваривал его в свой особый состав. И уже с учетом критического подхода я продолжил работу.

Тщательное изучение мировой мифологии оказалось достаточно кропотливой работой. Много из исследуемого материала мне приходилось перечитывать неоднократно, и с каждым новым чтением открывалось все большее количество искомых деталей. Приходилось тщательно разбирать и сортировать мифы, делая сотни необходимых заметок.

От этого бесконечного чтения очень страдала память, которую я значительно перегрузил. Нередко мне приходилось

брать большой перерыв в работе над книгой, чтобы разгрузиться, этот перерыв мог длиться днями, а иногда и месяцами. После некоторой утряски и работы над ошибками таблица постоянно преображалась и расширялась.

Несостыковки и различные ошибки, которые встречались мне регулярно, стали нормой – я постоянно отбраковывал ложные результаты. Практически на каждый верный результат существовало 10–20 ошибочных шагов, приводивших к тупику или неверной ветке исследований. Приходилось тщательно пересматривать, искать ошибки и удалять массы уже написанного текста. Здесь отдаю должное моему придирчивому внутреннему критику, который заставлял меня не останавливаться на достигнутом и копать дальше.

Сложности были и в том, что большинство мифов не имели «точки опоры» – хотя бы приблизительной датировки событий мифа, к которой можно привязаться. Это очень затрудняло работу, практически мне приходилось определять «возраст» того или иного мифа.

Хронологическая датировка сюжетов мифа вообще весьма туманна, и можно было рассчитывать лишь на генеалогию и косвенные методы определения такой датировки. А в тех эпохах, где такая датировка присутствовала, многие события в результате погрешностей оказывались значительно смещены во временной линии относительно их истинной позиции.

Практически никакому мифу нельзя было верить на 100%. Наоборот, самые авторитетные мировые эпосы позво-

ляли себе наибольшее искажение событий, стоявших за мифами. Лишь определенные закономерности позволяли создать некий фундамент, на который я мог положиться в работе и определять, где мы имеем дело с оригиналом сюжета, а где с искажением.

Но эта работа того стоила – мне удалось нащупать некую тождественность и построить параллели. Проведя колоссальную работу, я убедился, что в большинстве случаев многие мифы являются вариацией одной истории, или точнее, последовательности событий, происходивших в определенном временном интервале.

В конечном итоге мне удалось сделать из своей таблицы что-то вроде мифологической карты. Эту карту можно было назвать «периодической системой» мифологии. И эта система позволяла не только рассчитать датировку рождения того или иного мифа, но и давала возможность связать этот миф с тем или иным историческим событием, оценить трансформации мифа и многое другое. Мифологическая карта позволяла и взглянуть под новым углом на такие традиционные эпосы, как Библия или Махабхарата, увидеть в них то, чего не было видно раньше.

Когда приобретенный в работе опыт стал давать полноценные результаты, я, к своему ужасу, понял, что не могу полноценно сформулировать и объяснить читателю найденные закономерности. В эти моменты я напоминал себе обезьяну, изобретающую лампочку. Как будто эта обезьяна

смогла понять принцип работы этой лампочки, но не обладала какими-то базовыми знаниями, чтобы объяснить это своим соплеменникам. Приходилось создать целую прикладную терминологию и даже науку, чтобы сделать работу понятной для широкого читателя.

Проложить лестницу между автором и читателем иногда намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Ведь я в процессе работы ушел в такие дали, что мне стало очень сложно понять мышление вероятного читателя, которому с этим предстояло разбираться. В какой-то степени приходилось «отматывать» свое мышление к более простому уровню. Очень помогли и устные беседы – обсуждая книгу с друзьями и близкими, я обращал внимание на понятные и непонятные им моменты и где в книге мне следует разжевать материал более тщательно.

Мое видение мира также неоднократно менялось во время писания книги. Постоянно от меня словно отшелушивались и отпадали какие-то ошибочные представления о вселенной, иллюзии, заблуждения. От человека, впадавшего в религиозные экстазы, я перешел к некому стабильному мировоззрению. Не могу описать это мировоззрение, скорее это что-то вроде атеистичного прагматизма, в котором все же была какая доля стремления к метафизике, по крайней мере интуитивного поиска.

При работе над мифами я также убедился, что большинство мифов прошли определенные культурные рамки и

правки. Я пытался проникнуть сквозь эти рамки, узнать истинные события, которые были тщательно заретушированы миротворцами. По этой причине мы познакомимся с достаточно жестокими и даже страшными сюжетами, к которыми могут иметь отношение те или иные популярные герои мифов.

Признаюсь, многие открытия меня поначалу очень шокировали. Возникло чувство некоего религиозного трепета, ощущение того, будто что я делаю что-то такое, что может потрясти основы мироздания. Я понимал, что масштаб моей работы несколько выше, чем я себе представлял. Я устроил тщательную трепанацию священных книг человечества, и тем самым разрушил многие табу, сформировавшиеся в моей жизни.

В эти моменты я ожидал, что с неба на меня обрушатся удары божественных молний или появятся какие-то пророки, которые меня накажут за излишнюю любознательность. Постепенно я привык к этим «откровениям» и стал воспринимать их спокойно. Но мне до сих пор трудно представить, какие эмоции вызовет книга у читателя, особенно религиозного. По этой причине я бы настоятельно не рекомендовал чтение книги религиозным людям, которые могут быть не готовы к этим открытиям.

Одно дело, когда изучаешь религиозные мифы, цель которых стоит в нравственном воспитании своей паствы, — это, несомненно, благородная цель, заслуживающая уваже-

ние. Но и в то же время необходимо и понимать, что исторические события, стоящие за этими мифами, происходили в мрачном и жестоком мире древности, в котором не было времени на сантименты. Практически все исторические прототипы персонажей мифов могут казаться даже антигероями, но в данном случае мы говорим не о воспевании жестокости, а об антропологических явлениях и норме таких отношений на заре человеческой цивилизации. Постепенно эти события тщательно идеализировались и ретушировались перед тем как стать религиозным мифом.

Я не собираюсь рушить тот позитивный опыт, созданный религией. Потребность общества в религии существовала и будет существовать, особенно в кризисных регионах мира, где религия дает какую-то надежду. Законы, гуманизм, гигиена, воспитание – вот первичный перечень знаний человека, привить который без религии было делом невозможным.

Возможно, кто-то скажет, что большинство религий насаждалось насилием, в этом тоже была своя логика. Без определенного насилия, к сожалению, человечество бы не закрепило этот опыт, поскольку идет зачастую по пути наименьшего сопротивления и вряд ли бы стало перевоспитываться добровольно. Но именно благодаря религиям человечество начало бороться с негативными сторонами своей природы.

На какой-то период я думал даже отказаться от религиозных сюжетов в своей книге, чтобы не вызывать какого-либо напряжения. Однако от этого решения книга бы значительно

победнела, а некоторые параллели той же Библии с другими мифами оказались слишком очевидными и без ее упоминания.

Читатель должен знать следующее – моя книга не связана с мистикой, эзотерикой или уфологией. Я не безумец, не пророк, не жрец новой религии, я лишь увлеченный исследователь, открывший определенные законы. Мое исследование не является большой сенсацией – я лишь осваивал то направление, которое проложили мои предшественники-исследователи мифа, и пытался суммировать многое из их трудов. Многое из того, что есть в моей работе известно большинству экспертов мифологии, и появление другой аналогичной книги – это лишь вопрос времени.

Но моя книга неизбежно вызовет шок у неподготовленного читателя, поэтому вы должны решить для себя сами, стоит вам читать книгу или нет. Это очень важный вопрос, поскольку моя работа может пошатнуть ваше мировоззрение. Я лишь могу уверить, что за чтение книги вы не будете наказаны божествами, вас не бросят в адский котел или что-то еще. Но если вы намерены прочесть все до конца, то я прошу делать перерывы и оценивать свое состояние. Это не шутка, я не пытаюсь никого дополнительно заинтриговать, и реально готовлю читателя к некоторым шокирующим поворотам, которые будут.

Чтобы двигаться дальше, нам нужно уметь видеть истинные причины определенных явлений и рушить определен-

ные стереотипы. У современного человечества уже накоплен опыт, чтобы объективно смотреть на прошлое и принимать его без осуждения. По этой причине нам нельзя бесконечно топтаться на одном месте в ловушке внутренних барьеров и табу. Но и слом этих барьеров не всегда бывает безболезненным.

Часть I. Термины

Миф и мифология

Итак, перейдем, наконец, к мифологии. Что же такое миф, и что такое мифология? Начнем с термина «миф», который переводится с греческого как «сказание» или «вымысел».

Все мы хоть отчасти знакомы с какими-то классическими сюжетами мифов – будь то подвиги Геракла, библейские мифы или даже просто сказки и былины. Разнообразие мифов велико – как в жанрах, так и в сложности их построения. Начиная от примитивных сказок и заканчивая массивными поэтическими эпосами, миф прошел долгую эволюцию. Собственно, образование мифов не прекратилось и в наше время, просто мифы приняли другую форму.

Несмотря на то, что мы воспринимаем миф как вымысел, отношение к нему у человечества весьма серьезное. Классический миф доминирует во многих сферах нашей деятельности – в истории, в религии, в культуре и даже в подсознании.

Мы не можем игнорировать миф, выбросить его из нашей жизни. Потому что большинство мифов, так или иначе, являются неотъемлемой частью нашей жизни, это часть нас, кусочек если не нашей плоти, то сознания, в большинстве

самого глубинного.

Начиная с древнейших времен миф служил своеобразной информационной базой и даже аналогом научного опыта, на который опирался человек в своих поисках. И отчасти на эту базу человек опирается и сейчас. За все это время миф прочно сросся с человеком, и исследуя миф, мы исследуем и человека.

В своей общей массе мифы представляют собой мифологию, т.е. общую мировую совокупность мифов. Мифология – это огромный пласт человеческой фантазии и опыта. Этот пласт нельзя назвать однородным – часть его прослоек представлена различными направлениями мифа и формировалась по своим законам. Это и повествования о богах, героях, духах. Это и попытка человека понять себя, свои мотивы, окружающую природу, Вселенную. Это и появление первых законов, социальных институтов, брачных обычаев и обрядов.

Многообразие мифологии говорит если не о невозможности, то хотя бы о сложности создать единый научный подход к мифу. Психология, астрономия, история, природа, политические и социальные явления – каждый из этих аспектов мог сыграть свою роль в становлении того или иного мифа.

Однозначно можно утверждать одно – мифология представляет собой сложный клубок, в котором слились воспоминания, эмоциональные образы, страхи человечества. Не удивительно, что пионеры психологии – Зигмунд Фрейд,

Карл Густав Юнг, Отто Ранк – уделяли особое внимание мифологии. Ведь, изучая миф, можно было заглянуть в подсознание нашей цивилизации, коллективным творчеством которого миф и являлся. Мифологию можно назвать бессознательной памятью человечества, и закономерности в его формировании напоминают подобное формирование памяти отдельного человека.

Эволюцию мифологии можно сравнить с историей взросления отдельного человека. Перипетии жизненных судеб различных людей могут сильно отличаться, но огромное влияние на них оказывают события детства. Именно в детстве закладываются в человека представления о жизни, образуются какие-то травмы и комплексы в виде своеобразных психологических программ. Все эти программы влияют на последующую жизнь человека, определяют его поступки. Постепенно детские воспоминания и страхи, сознательные и бессознательные, формируют поведение взрослого человека, руководят и помыкают им. На массовом уровне человечества именно мифология представляет собой этот психологический опыт.

Не секрет, что каждый человек идеализирует воспоминания детства. Эта пора воспринимается им зачастую как счастливая и лишенная каких-либо тревог. Большинство из нас ностальгирует по своему детству, скучая по его простоте, беззаботности и яркости чувств. Но что, если у нашего коллективного бессознательного разума человечества су-

существует подобная ностальгия, и миф является изложением этих воспоминаний?

Подобным образом могли быть сформированы образы первозданного Рая или золотого века, когда боги были «милостивы» к человечеству. Эти образы настолько сильны, что и сегодня можно встретить тех или иных энтузиастов, ищущих обетованные земли своих предков. Но существовали ли они в действительности?

Самые древние мифы аналогично можно назвать детским воспоминанием всего человечества о временах пребывания его в исторической колыбели. В этой колыбели происходило постепенное становление цивилизации, приобретение нового опыта, ремесел, покорение природы.

Постепенно человечество росло, развивалось и, рано или поздно, покидало свою колыбель. Оно шло покорять мир, природу, другие народы. Усложнялись представления человечества о мире, но в основе его самых древних воспоминаний лежали те самые воспоминания о колыбели.

Эти воспоминания имели огромную ценность для человека и лежали в основе его культурных и религиозных обычаев. Они переосмыслились в новом виде – будь то религиозные тексты, художественные эпические поэмы или сказки. Практически любой сложный эпос, религиозные тексты или иное писание содержат элементы мифа, сформировавшегося в колыбели. На бессознательном уровне они определяют его представления об окружающем мире, божествах, истории и

всей вселенной вообще.

Давайте попробуем представить, как могли сформироваться первые мифы. Вероятно, они обязаны появлению у человека первой разговорной речи. На этом этапе человек познавал и запоминал окружающую действительность и прибегал к мифу как к объяснению событий окружающего мира. Солнце, луна, звезды, ветер, животные – каждому природному явлению человек уделял пристальное внимание, наделяя определенными свойствами. Первые фетиши, культы, образы богов рождались из попыток создать своеобразные диалоги с окружающей Вселенной, задобрить ее через ритуалы, обряды, церемонии. Миф закреплял полученные знания, передавал весь ритуальный и мистический опыт следующему поколению.

Существенным недостатком устного мифа была его нестабильность. Информация, передаваемая устно, постепенно искажалась, терялась со временем. Несомненно, до нас не дошло много мифов, которые очень многое могли бы рассказать о нашей истории. Возможно, часть из них осталась в нашем подсознании, чтобы однажды всплыть в виде фантазии.

Не менее важным для формирования мифа было первое творчество человека – будь то наскальные надписи, вырезки на деревьях, отпечатки на глине. Используя первые символы и пиктограммы, человек начал записывать важные для него события. Письменность стала необходимым фактором стабильности существования информации, миф, как и другие

знания, стало возможным увековечить и передать потомкам практически в неизменной форме. Уже позже, в момент становления цивилизации и появления первых алфавитов, произошло и дальнейшее развитие мифа.

Письменный миф позволял образовать новые жанры вроде героического мифа. Получили развитие космогонические и эсхатологические мифы. Боги больше «очеловечивались» – в них узнавались черты, присущие древним монархам. И это было не удивительно, учитывая, что некоторые божества часто списывались с обожествленных правителей. Здесь играли роли культы предков, пропагандистские успехи жречества и многое другое. Увековечиванию подверглись и многие герои древности, возможно, часть из них сохранила память о себе лишь благодаря мифам.

Пройдя различные этапы своей эволюции, мифология не прекратила свое движение. Несмотря на свой возраст, она не перестает формироваться и в наше время. Потребность и актуальность опыта мифотворчества не исчезли с появлением научного опыта. Человек так же нуждается в каких-то объяснениях, в каких нуждались его далекие предки – тут могут быть вопросы о загробной жизни, Вселенной и существовании в ней разума и многое другое. У современного мифа появилась своя специфика, хотя вероятно, что механизм его образования тот же.

Можно однозначно утверждать, что влияние мифологии на древний мир было велико настолько, насколько велико

влияние современной массовой культуры на нас с вами. Массовую культуру нельзя назвать полноценным научным опытом, она развлекает и воспитывает нас, дает простор фантазии, отображает наши радости и страхи.

Мифология же была всегда прочно переплетена с массовой культурой человечества, особенно в древности. Персонажи мифов были примером для подрастающих граждан, поводом для национальной гордости. Их деяния восхищали и завораживали в течение нескольких поколений. Эти персонажи были прочно запечатлены в культуре древности, будь то художественное искусство, театр, поэзия либо что-либо другое. Так и сегодня массовая культура создает современных героев, идеализирует их, превращая в своеобразные божества.

Но не все аспекты мифологии были связаны с массовой культурой. Часть из них имела отношение к очень важной части древнего мира – политической и религиозной пропаганде. Усилиями этой пропаганды персонажи мифов становились объектом ритуального поклонения, а мифологические своды – священными книгами древности.

Библия, Коран, Авеста, Махабхарата – эти тексты являлись наиболее влиятельными книгами в мире и определили направление развития человеческой истории. Часть этих книг до сих пор обладает этим влиянием даже на современный технологически развитый мир.

Священные своды мифов имеют и своих младших братьев

– куда менее популярные книги ненаучного опыта, также существующего в наше время. Эти книги, как правило, связаны с различными мистическими учениями, теософией и эзотерикой. Не удивительно, что мифология во все времена давно стала объектом спекуляции для различных теософов, религиозных сектантов, аферистов и прочих современных «жрецов». Это лишний раз говорит о важности ее исследования.

Впрочем, культурные и политико-религиозные вопросы, связанные с мифологией, мы рассмотрим в следующих главах. А теперь разберемся, с чего начинать изучение мифологии.

Мифологемы

Любое научное исследование мифологии начинается с понимания тех закономерностей, которые присутствуют в мифе. А эти закономерности определенно есть. Этими закономерностями являются повторяющиеся сходства между теми или иными элементами мифа.

Сходства между мифами могут быть любого характера – сюжетные, лингвистические или иной спецификации. Мы можем замечать одни и те же имена, названия в разных мифах, сходства сюжета, но не предавать этому значения. Поединок с драконом, похищение девы, открытие огня – эти сюжеты кажутся универсальными, распространенными для всего человечества.

Впрочем, некоторые сходства между мифами явно порождены не их универсальностью, а чем-то другим. Представьте себе два мифа с абсолютно одинаковым сюжетом, но при это принадлежащие совершенно разным культурам, расположенным в удаленных друг от друга точках земного шара.

Таких мифов довольно много. Индийский герой Арджуна и ирландский герой Кухулин при одинаковых обстоятельствах ведут поединок против своего главного врага. Библейский Моисей и индийский Карна были одинаково брошены в реку в детстве. Мы видим какие-то схожие моменты, но не можем разобраться что их порождает – культурные и геогра-

фические барьеры между мифами кажутся слишком большими, чтобы говорить о заимствовании.

Несомненно, в мифах есть свои закономерности, и чтобы понять их природу, нужно представить мифологию как огромный информационный массив – своеобразную матрицу. Но если есть массив, то из чего он состоит? Я пришел к выводу, что этот массив имеет свои своеобразные «единицы», которые можно так же назвать частицами, атомами, кирпичиками или даже квантами мифа. Без исследования этих «единиц» никакое изучение мифа невозможно.

Поиск этих единиц был чисто интуитивным – в большинстве случаев они представляли собой какие-то уникальные элементы мифа – от сюжетов до имен или образов. Как оказалось, некий аналог этих единиц уже был введен в терминологический оборот как **мифологемы** швейцарским психиатром Карлом Густавом Юнгом, хоть он и подразумевал под ними нечто другое. Слово «мифологема» происходит от сочетания двух слов – миф, означающего «предание», и логос, означающего «причина» или «мысль». Таким образом мифологема означает причину или смысл мифа. Под мифологемой Юнг понимал универсальные сюжеты и образы мифологии, материал для образования мифа:

«Искусство мифологии определяется своеобразием своего материала. Основная масса этого материала, сохранявшаяся традицией с незапамятной древности, содержалась в повествованиях о богах и богоподобных существах, героиче-

ских битвах и путешествиях в подземный мир – повествованиях («мифологема» – вот лучшее древнегреческое слово для их обозначения), которые всем хорошо известны, но которые далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества. Мифология есть движение этого материала: это нечто застывшее и мобильное, субстанциональное и все же не статичное, способное к трансформации [1]».

Согласно Юнгу, мифологемы являются статичной неизменной проекцией мифа, тогда как сама мифология является ее изменением. В мифологемах Юнг видел практически божественные эталоны, на которые опиралась мифология. В качестве таких мифологем выступали, например, сюжет о божественном младенце, который Юнг сводил с мифами о Зевсе, Бахусе и даже Христе. Или мифологема Матери-Земли, связанная с мифами о Деметре и Персефоне. Мифологемы в этих историях служили своеобразным шаблоном, вокруг которых строилась остальная история.

Термин мифологемы Юнга хоть и был весьма расплывчатым и интуитивным, но в целом передавал его суть. Было решено использовать именно этот термин, доработать его и сделать своеобразной единицей исследования. Несомненно, мое понимание мифологемы отличается, хоть и незначительно, от понимания мифологемы Юнгом. Но почему бы и не использовать этот термин как должное этому пионеру психологии? В конце концов, изучая миф, мы изучаем и на-

ше подсознание. И определенная эволюция должна происходить и в терминологии.

В моей книге впервые мифологема будет выражена несколько иначе, ведь она будет выступать не филологическим термином, а своеобразной единицей измерения мифа. Как я писал выше, книга будет являться информационным анализом мифа, его материала и изменения этого материала.

Необходимость такого термина я часто встречал в работах различных авторов на тему мифологии. Довольно часто такие авторы делали некие попытки выразить мифологему, интуитивно нащупать ее, при этом точно не понимая, как ее обозначить. Они называли мифологему мотивом, сюжетом или образом, хотя это не всегда было корректным определением.

Большинство мифов представляет собой набор схожих универсальных мифологем. Именно благодаря мифологемам мы видим сходство между мифами и зачастую задумываемся о причинах такого сходства. Мифологема смерти и воскрешения, мифологема дерева жизни, мифологема противостояния богов и великанов – все они повторяются более чем в одном мифе.

Мифологема выступает одновременно и шаблоном, и единицей мифа. Миф может представлять собой надстройку над определенной мифологемой. Мифологема словно служит основой для разных мифов, но при этом сами мифы могут отличаться друг от друга.

Возьмем, к примеру, мифологему живой воды. То есть эта некая волшебная жидкость, исцеляющая героя и возвращающая ему жизнь. Сама по себе эта живая вода может служить образом, но вокруг нее может строиться определенный сюжет. Скажем, история о трагической гибели героя и его воскрешения. Или сюжет о воскрешении девы, убитой антагонистом, и многое другое. Имея одну мифологему, мы можем получить сразу несколько отличающихся мифов.

А иногда миф представляет собой комбинацию из двух и более мифологем. Мифологема ахиллесовой пяты сама по себе может породить миф об убитом в пяту Ахилле. Пята – единственное уязвимое место героя, которого в детстве мать закалила от ран, погрузив в воды реки подземного царства.

Но сочетание мифологемы ахиллесовой пяты с мифологемой змея или дракона может породить миф о Зигфриде, омывшем свое тело в волшебной крови убитого дракона, дающей неуязвимость. Зигфрид, как и Ахилл, имеет свое уязвимое место на спине, которое было покрыто листом и не получило защиты. И оба героя погибают от ран, нанесенных в их незащищенные места.

Примеры мифологем

Несмотря на то, что мифологема в большинстве случаев универсальна, она также подвергается изменениям и трансформациям. Сами трансформации мы рассмотрим в отдельных главах. А для начала познакомимся с результатами трансформации и как они проявляются в разных культурах.

Для начала обратим внимание на реку Стикс в греческих легендах. Эта река течет в подземном царстве Аида и отделяет мир живых от мира мертвых. Мрачный извозчик Харон перевозит души умерших через Стикс в обмен за монету[2].

Можно сказать, что в основе греческого мифа лежит мифологема реки подземного мира. Эта река является границей между миром живых и миром мертвых. Стикс – наиболее известный образ этой реки, но он далеко не единственный.

У реки мертвых есть свой шумерский аналог – река подземного царства Кур. Сам Кур представлял собой пустое пространство между корой земли и первозданным океаном, куда спускались тени умерших. Для попадания в Кур надо было пересечь реку, «поглощающую людей», через которую перевозит перевозчик «человек лодки»[3]. Как мы видим, у нашей мифологемы есть как минимум два воплощения в мифологии.

В мифах индуизма существует подобная река, называемая

Вайтарани, протекающая в подземном царстве бога Ямы. Воды Вайтарани из крови, на берегу этой реки можно увидеть страдания грешников[4]. В мифологии финнов есть аналогичная река в подземном царстве Маналы – она отделяет остров, на котором живут души умерших, от мира людей[5].

В скандинавской мифологии река Гьелль также отделяет Хельхейм – мир мертвых от мира живых. Через Гьелль проложен золотой мост Гьялларбру, который охраняет великанша Модгуд, не позволяя мертвым покинуть царство[6]. Иногда здесь появляется и извозчик, который перевозит через реку умерших. Предполагается, что этим извозчиком является бог Один, который некогда увез убитого бога Синфьетли в Вальхаллу[7].

В египетской мифологии ладья Манджет перевозит золотой диск солнца через реку подземного мира, после того как оно садится на западе[8]. В иранской мифологии аналогично есть водная преграда, разделяющая мир живых и мир мертвых. Над водой же находится мост Чинват, по которому могут пройти только безгрешные[9].

Помимо перечисленных рек также есть река Каусар в исламской мифологии, река Смородина у славян и множество других аналогов. Даже в библейской книге пророка Даниила говорится об огненной реке, протекающей у божественного престола.

Таким образом, мифологема реки подземного мира прак-

тически универсальна для мифов разных культур. Эта мифологема зачастую сопровождается дополнительными образами – лодкой с извозчиком, магическим мостом, привратником или чудовищем, охраняющим вход в подземный мир. Эти дополнительные образы можно представить как отдельные мифологемы, которые в каких-то мифах сочетаются с мифологемой реки, а в каких-то мифах и вовсе отсутствуют.

Рассмотрим еще пример мифологемы. На этот раз мифологема будет представлена сюжетным элементом, который можно так же назвать действием или функцией. Начнем опять с мифов Древней Греции, а именно с Калидонской охоты.

Ойней, царь города Калидон, некогда позвал известных героев для состязания – охоты на чудовищного вепря, разоряющего окрестности. Победителю царь обещал шкуру и клыки животного. В результате победу одержал герой Мелеагр, убивший вепря. Однако после охоты начались ссора и настоящая война за шкуру зверя. Герои принялись убивать друг друга, в этом бою погиб и сам Мелеагр. Таким образом Калидонская охота стала своеобразным символом раздора[10].

Сюжет о роковой охоте на кабана встречается не только у греков. В финикийском мифе Баалат-Гебал, царица Кипра, полюбила юного пастуха Таммуза. Ради своего возлюбленного она отправилась в Финикию, где сочеталась с Таммузом браком.

Но у Баалат-Гебал был бывший муж – некий ревнивый воинственный бог. Этот бог превратился в огромного свирепого кабана и убил Таммуза, когда тот охотился в горах Ливана. Баалат-Гебал собрала останки своего возлюбленного и похоронила у истоков реки Адонис, а позже скончалась у его могилы от тоски и горя. Однако боги воскресили Баалат-Гебал и Таммуза, после чего богиня стала покровительницей города Библ[11].

В египетском мифе присутствует аналогичная история. Бог Сет убивает своего брата бога Осириса. После этого Сет поместил убитого в гроб, а гроб выбросил в реку Нил. Исида, жена Осириса, находит гроб своего мужа и пытается разбудить его поцелуем. Но, к ее несчастью, поблизости снова оказался Сет, который охотился на кабана. Сет расчленяет тело Осириса на четырнадцать частей и разбрасывает их по всему свету. Впоследствии Осирис все же возродился, но больше не стал жить на земле, предпочитая в качестве своей обители подземное царство[12].

Японский аналог Осириса – Окунинуси, простоватый, но добрый бог и правитель страны Идзуми, стал избранником прекрасной девы Ягами-химэ. Это вызвало зависть его восьмидесяти братьев, которые решили его за это убить. Они позвали Окунинуси на охоту на красного кабана, но вместо животного погнались на него раскаленный камень. От полученных ожогов Окунинуси скончался. Впоследствии боги возродили его, и Окунинуси изгнал своих коварных бра-

тьев[13].

В ирландской мифологии герой Диармайд соблазняет и похищает Грайне, жену царя Финна Мак Кумала. После неудачной попытки отбить свою жену Финн, в конце концов, приглашает Диармайда поохотиться на ядовитого вепря из Бенн Гулбан. Диармайд принимает приглашение, но, убив вепря, поранил свои голые стопы о шкуру животного с ядовитыми щетинами. В итоге Диармайд умирает, а Грайне возвращается к Финну[14].

Мы видим, что сюжет фатальной охоты на кабана тоже в какой-то степени является универсальным для мифологии. И в каждом сюжете мифологема охоты на кабана дополняется новыми деталями – братоубийством, ядовитой шкурой, любовным треугольником и т.д. Все эти дополнительные мифологемы могли проникнуть в сюжет об охоте от других историй, изначально не имеющей к охоте никакой связи.

Нередко мифы объединяются целым комплектом мифологем. Например, герой Геракл и британский король Артур имеют много общего. Истории рождения и смерти обоих персонажей практически одинаковы. Оба героя были зачаты сверхъестественным существом от неких влиятельных женщин, мужья которых в это время находились в военном походе. Геракл был зачат богом Зевсом, Артур – сверхъестественным королем Утером Пендрагоном. И Зевс, и Пендрагон во время зачатия принимали облики мужей соблазненных ими женщин – царя Амфитриона и герцога Горлойса со-

ответственно.

Смерть обоих героев также имеет определенные сходства. Геракл после мучительной гибели был вознесен на Олимп, тело погибшего Артура же было взято на чудесный остров Аваллон. Мы видим, что история как короля Артура, так и Геракла от рождения до смерти героев в целом подчинена общей сюжетной традиции. Причем эта традиция наблюдается и в истории множества других героев вроде Кухулина, Давида Сасунского и т.д.

Подобные схожести можно обнаружить у другой пары героев – греческого воина Ахилла, участника Троянской войны, и Арджуны, одного из главных героев эпоса Махабхараты. Оба героя принимают участие в крупнейших кровопролитных войнах и побеждают сильнейших воинов враждующей стороны. Так Ахилл убивает троянского царевича Гектора, а Арджуна – антагониста Карну.

Так же в истории этих персонажей можно обнаружить немало других сходств. Оба героя, к примеру, по разным причинам скрываются от войны в женском гареме. Ахилла укрывает его мать Фетида, которая знала о его будущей смерти на войне. Арджуна же скрывался от своих врагов в качестве евнуха. Это не говорит о трусости героев, лишь об определенной закономерности в их жизни, которая может иметь свое объяснение.

Даже смерть героев имеет какие-то общие детали. Ахилл гибнет от попадания вражеской стрелы в его незащищенную

пяту. И эта же мифологема встречается в Махабхарате, правда, от стрелы, попавшей в пяту, погибает Кришна, лучший друг Арджуны. Таким образом, мифологема словно хаотично рассеивается в каких-то эпосах между персонажами.

Происхождение мифологем

А теперь зададимся вопросом, каким образом рождаются мифологемы. Являются ли они заимствованиями из конкретной истории или формируются благодаря неким универсальным законам нашего подсознания?

Сам Юнг полагал, что мифологемы рождаются из некоего «божественного источника сознания». А сходство мифологем различных народов друг с другом психиатр объяснял свойством универсальности человеческого разума:

«До сих пор мифологические мотивы обычно изучались обособленными областями науки, такими как мифология, этнология, история культуры и сравнительная история религии, что не особенно способствовало осознанию их универсальности; психологические же проблемы, возникавшие в связи с этой универсальностью, можно было легко отставить в сторону с помощью гипотезы о миграции...»

...Психологические знания той поры, хотя и включали в свою компетенцию мифотворчество (о чем свидетельствует „Völkerpsychologie“ Вундта), были не в состоянии представить этот процесс как живую функцию, реально присутствующую в душе цивилизованного человека, равно как и не могли осмыслить мифологические мотивы в качестве ее структурных элементов. Поскольку психология исторически была прежде всего метафизикой, затем изучени-

ем чувств и их функций, а позднее – сознания и его функций, она отождествила свой предмет с сознательной душой и ее содержаниями, тем самым полностью игнорируя существование бессознательной души» [15].

Формулировка Юнга по-своему красива, но как теория не сочетается с большинством археологических данных. Согласно им, сходство мифологем у народов в основной массе является все же «миграцией», т.е. заимствованием сюжета среди разных культур. Следует отметить, что Юнг допускал миграцию мифа, но давал ей низкое значение по сравнению с работой коллективного разума. Но возможно, миграция – если не единственная, то хотя бы основная причина схожести мифов различных народов.

На сегодняшний день у человечества еще больше информации, которая может указать вероятные источники происхождения мифологем. Например, работы археологов Леонарда Вулли и Самюэля Крамера продемонстрировали, что ряд сюжетов Библии были заимствованы из мифологии и истории шумеров.

То есть вероятнее всего мифологемы являлись не порождением ума, а в большинстве случаев следствием каких-то резонансных исторических событий, которые заимствовались в другие культуры. В связи с этим предложу ряд гипотез о происхождении мифологем подземной реки и охоты на кабана, рассмотренных в предыдущей главе.

Например, мифологема реки мертвых могла быть рожде-

на египетском погребальном ритуалу, описанному Диодором Сицилийским. Согласно этому ритуалу, родственники усопшего сообщают специальным судьям день похорон, когда усопший должен перейти реку. Судьи садятся на противоположную сторону реки на специальную полукруглую скамью, а к ним плывет ладья с усопшим. Везет эту ладью перевозчик, египетское название которого «харон».

И пока ладья с «хароном» плывет, любой желающий может обвинить усопшего в каких-то грехах, а судьи могут объявить эти грехи публично. Впоследствии эта традиция, по мнению Диодора, была заимствована греческим поэтом Орфеем и получила распространение как образ загробного царства[16]. И мы уже получаем мрачного перевозчика Харона у греков, который везет умерших через Стикс, и другие его аналоги.

Впрочем, есть альтернативная и более глобальная теория происхождения мифологемы. Согласно исследованиям британского археолога Дэвида Рола, существовала древняя традиция хоронить аристократию на священном Дилмуне – так в древности назывался остров Бахрейн. На этом острове находится более 150 тыс. гробниц, называемых тумули, состояние которых говорит о том, что хоронили в этих усыпальницах явно не простолюдинов. В тумулях хоронили знать древнего мира, и традиция эта пошла от шумеров.

Это место было священным островом-некрополем не только у шумеров, но и других народов – в том числе егип-

тян. По всей видимости, усопших доставляли на лодках на Бахрейн, что и могло породить миф о реке подземного мира. Дилмун в каком-то смысле считался миром мертвых, отделяемых от мира живых водой, т.е. рекой, которая стала наделяться волшебными свойствами. Да и отображение мира мертвых как острова можно встретить у египтян, финнов и других народов[17].

Таким образом, у нас есть как минимум две теории происхождения мифологема подземной реки. Не исключено, что обе теории могли повлиять на рождение этого образа.

Аналогично мифологема охоты на кабана, возможно, связана с событием, произошедшем в древней Лидии. Это событие описано у Геродота. Царь Крез видит во сне своего сына Атиса, пораженного железным копьем. После этого в Лидию прибывает фригийский юноша Адраст, сын Гордия и внук царя Мидаса. Адраст был изгнан своим отцом, поскольку случайно убил своего брата. Крез принял его и пригласил поучаствовать в охоте на кабана. Этот кабан давно уже приносил неприятности, опустошая нивы. Во время этой охоты Адраст случайно убивает копьем Атиса, и страшный сон Креза сбывается. Адраст же с горя покончил с собой[18].

Благодаря Геродоту, мы, возможно, имеем источник, на котором основывается миф. Но опять же часть мифов определенно древнее образования государства Лидии, например, мифы об Осирисе. Что если история Геродота также представляет собой одну из разновидностей этого мифа?

Тогда рассмотрим другой пример вероятного источника. Не исключено, что миф об охоте на кабана является возможной трансформацией события, произошедшего в древности с египетским царем Менесом. Менес считался первым царем Египта и в то же время основателем первой династии.

Согласно версии египетского историка Манефона, Менес погиб на охоте от ран, нанесенных ему бегемотом[19]. Возможно, изначально существовал египетский миф о бегемоте, убившем царя. Эта история заимствовалась в другие мифы и прошла причудливую трансформацию – бегемот переродился в схожего клыкастого животного – кабана. Такая трансформация вполне объяснима тем, что ареал обитания бегемотов распространен лишь в Африке, поэтому появилась необходимость в замене животного.

Впрочем, теория Менеса здесь не окончательная и есть альтернативные версии происхождения мифологемы. В любом случае сюжет о Калидонской охоте или история Окуни-нуса сравнительно молоды по сравнению с периодом жизни царя Менеса, жившим около 3000 лет до н.э. И вероятность, что мифологема произошла от египетского царя, более вероятна, чем наоборот.

Мои гипотезы происхождения мифологемы реки подземного мира и мифологемы охоты на кабана могут показаться спорными, но на практике все же большинство мифов зачастую рождается благодаря конкретным историческим событиям, чем свойствам разума. Эти события, называемые в

последующих главах как доноры мифа, мы будем подробно анализировать.

При этом нельзя исключать и свойство разума порождать мифологемы. Их появление может быть обязано особой механике мысли, рождению особых мыслеформ, отображающих страхи, переживания и волнения людей. Если это так, то скорее будет прав Юнг с его теорией универсальности и шаблонности мифологем в человеческом сознании.

Например, охота на кабана при таком подходе может являться аллегорией сексуального акта или своеобразной персонификацией чувства ревности. И любовный треугольник лишь подчеркивает эти смыслы. Аналогично река подземного мира может ассоциироваться с подсознательными образами страха смерти. Особенно ярко подсознательные образы раскрываются во снах и часто связаны с определенными переживаниями.

Следует отметить, что аллегорическое познание мифа широко распространено у исследователей мифологии и в некоторых случаях вполне уместно. Однако при таком толковании каждый миф можно интерпретировать множеством способов, что затрудняет его исследование.

Но все же, на мой взгляд, именно заимствование мифологем – наиболее вероятная причина таких совпадений. Остальные варианты также имеют право на существование, но в куда меньшей степени. Потому что если совпадение одной-двух мифологем можно объяснить совпадением или

единомыслием авторов, то схожесть двух сложных комплексов мифологем обосновать подобными вариантами нельзя.

Героев вроде Геракла, короля Артура, Ахилла, Арджуны объединяют целые комплексы общих мифологем – мы уже слегка обращали внимание на очевидные схожести сюжетов про этих героев, подчинение основной фабулы какому-то скрытому закону.

На мой взгляд, маловероятно, что такой комплекс появился благодаря совпадению или особенности человеческого подсознания универсального мифотворчества. Тем более у человеческого ума есть другая особенность – умение заимствовать сюжеты сознательно или бессознательно. Обоснования таких заимствований мы и рассмотрим.

Культурные заимствования мифологем

В мифах очень редко появляется оригинальность – многочисленные сюжеты и сказки зачастую написаны по избыточным шаблонам – спасти принцессу, убить дракона. Авторы мифов никогда не гнушались плагиатом, тем более в древности это не приводило ни к каким последствиям.

Даже в наше время массовая культура вроде кино, литературы, музыки в основном своем количестве занимается переработкой старого материала и изложения его в новой обертке. По-настоящему оригинальные сюжеты являются редкостью. И культурное заимствование мифологем было самым частым явлением во все времена.

Для современных творцов любой направленности, будь то художники, музыканты или миротворцы, осознанное или неосознанное заимствование является серьезной проблемой, сулящей судебными разбирательствами с правообладателями. Несомненно, такое заимствование может быть случайным, подсознательным – возможно, человеческий разум для сохранения своих сил по умолчанию ищет готовые решения и предлагает их своему обладателю.

Но в древности не возникало проблем с авторскими правами, заимствование было достаточно популярным. Например, не секрет, что римская мифология во многом была со-

здана на основе греческих мифов, а греческие мифы в свою очередь заимствовали сюжеты из Малой Азии и Египта. Никто, естественно, за это не подавал в суд, тем более что авторы оригинальных мифов умирали задолго до того, как происходил такой плагиат.

Нередко заимствование сюжета рождалось своеобразным «почкованием». Колонисты, прибывающие на новые земли из метрополий, несли с собой семя знаний своего народа, культуры и дали этому семени вырасти на новой почве. Миграция мифа осуществлялась и с помощью торговцев, которые переносили миф на большие расстояния. Человечество значительно перемешалось за тысячелетие, практически невозможно определить все эти миграции и как они сказались. И мало кто по-настоящему заботился об установлении авторства того или иного мифа.

На проблему «нарушения авторских прав» древности обращал внимание лишь финикийский историк Санхуниатон, упрекая греческих поэтов в заимствовании мифов Финикии:

«Греки, превосходящие всех своими природными дарованиями, усвоили сперва большую часть этих преданий, а затем богатою художественною речью рассказали их. И, желая очаровать прелестью мифов, они всячески эти мифы разнообразили. Отсюда создали и Гесиод, и киклики, слава о которых звучит кругом, свои собственные теогонии, гигантомахии и титаномохии, и оскпления, носясь с которыми, греки победили истину. Наш слух, воспитывающийся на со-

зданиях этих поэтов и усваивающий их в течение многих веков, как залог хранит воспринятые им искусственно сочиненные мифы, о чем я сказал уже в начале. Получив силу от давности, мифы эти, именно благодаря этому, препятствуют освободиться от их обаяния, так что истина кажется вздором, а лживые басни истиною [20]».

Санхуниатон достаточно емко описал те проблемы, с которыми сталкивались древние авторы, пострадавшие от плагиата. Мало кто помнил оригинальный источник, все переключались на более прекрасные, творчески адаптированные, трансформации этого мифа. Во все времена человечество часто обращало внимание на яркую обертку образов искаженного подобия, не замечая серые обложки оригинала. И в случае греков они значительно затмили собой финикийцев и другие народы, чьими плодами культурного труда пользовались.

В свою очередь поэтический талант поэтов греков породил новую прекрасную мифологическую вселенную со своими законами, оказав влияние на развитие европейской цивилизации и мысли. Однако мифология же истинных авторов этих мифов потерялась на фоне греческих мифов и от силы известна только экспертам.

Как мы видим, для плагиата мифа не было никаких ограничений – ни административных, ни географических. Даже большие расстояния между очагами культур не гарантировали, что какой-либо сюжет не будет заимствован другим на-

родом. Но только ли миграции объясняли заимствования?

Несомненно, помимо миграций существовали и определенные катализаторы, значительно повлиявшие на заимствование мифологем. Можно вполне уверенно утверждать, что заимствование было связано с развитием человеческой культуры. В процессе развития цивилизации постепенно начинали появляться новые культурные направления – театры, поэзия, музыка. Такие сферы постоянно требовали «новой крови» – идей, образов, историй.

Сюжеты мифологии были не просто информацией – они, несомненно, обогащали карманы древних поэтов, артистов, драматургов, музыкантов. А эти мифотворцы считали должным подстраиваться под интересы публики, ища наиболее привлекательные сюжеты, которые в свою очередь проще всего было получить заимствованием.

Эллинские поэты и драматурги вроде Гесиода, Гомера, Эсхилла определили жанровое направление в поэзии и, по сути, сформировали основной костяк древнегреческой мифологии. Кельтские барды вроде Талиесина и Анейрина повлияли на специфику ирландского мифа. Персидские поэты вроде Фирдоуси и Низами адаптировали сюжеты Авесты в прекрасные поэмы. При всей талантливости этих авторов нельзя было сказать, что они придумали свои истории с нуля. Нет, скорее, они лишь преобразовали старые известные сюжеты в новую форму.

Нередко потребность в новых историях сказывалась и

в усталости от старых героев. Мифотворцы переходили от Гильгамеша к Гераклу, от Геракла к королю Артуру. Даже герои современных мифов вроде комиксного героя Супермена в целом являются такими же представителями этой традиции. Но и при этом можно было наблюдать, как в истории новых героев вплетаются какие-то сюжетные линии героев ушедших. Культура комиксов, как и мифы, проходила свои циклы перерождения – Золотой век, Серебряный век и т.д. Можно сказать, что мифотворчество никуда не исчезло, оно продолжает существовать.

Таким образом, культурное заимствование мифологем было естественным явлением, что в древности, что в наше время. Существовало много причин такого заимствования, но зачастую они были связаны с культурными течениями тех лет – развитием поэзии, музыки, театра.

Такое заимствование было хаотичным, оно отвечало определенным законам спроса и предложения и, в конечном итоге, приносило положительный эффект, двигало миф дальше, развивало его. В мифологии возникли своеобразная периодичность и циклы ее перерождения, когда новый культурный этап заставлял очередных мифотворцев пересмотреть и переделать старый материал под новые запросы.

Однако существовало и другое заимствование, более целенаправленное и упорядоченное. Речь идет о религиозно-политическом заимствовании мифологем, у которого были уже свои законы.

Религиозно-политические заимствования мифологем

Заимствование мифологем в своеобразной форме происходило и при формировании новых религий, культов, политических идеологий древности. В этом случае заимствуемый миф подвергался тщательной «перезагрузке» – переосмыслению и переделке старого мифа под новые каноны. И здесь, конечно же, не стояла цель отяжелить чьи-то кошельки, сколько поставить идеологический контроль над общественным сознанием граждан. Для анархичного и непредсказуемого мира древности такой контроль являлся вынужденной и вполне обоснованной мерой.

Практически нет ни одной религии в мире, которая не содержала бы в своем фундаменте остатки старых, более архаичных мифов. И религиозно-политическое заимствование мифологем имело свою специфику, отличную от культурного заимствования.

Возможно, читатель обратил внимание, что автор не разделяет политические и религиозные институты. Дело в том, что в ранней истории эти институты были практически одним целым, хоть иногда между ними и были противоречия. Власть царей полагалась на религию и культы. Цари нередко обожествлялись, указывались если не богами, то как минимум их преемниками или наследниками. Это повышало

шансы таких правителей быть принятыми паствой. И образование новых мифов происходило не только благодаря жрецам, но и царям, ставившим определенные цели, например, создать уникальные культы, независимые от религии конкурирующих государств.

Казалось бы, для создания новой религии было достаточно создать абсолютно новую историю, проигнорировав другие источники. Но в таком случае авторы таких религий сталкивались со следующими трудностями. Во-первых, на создание абсолютно нового текста требовались бы недюжинная фантазия и красочное умение излагать текст, что было практически непосильной задачей. Во-вторых, даже если создать такой текст, он мог не получить популярности у своей паствы. Принять достаточно экстравагантные сюжеты и идеи общество могло лишь в результате длительного прессинга со стороны религиозных работников и элиты. Но нужна ли постоянная напряженность, когда все можно сделать проще?

Наиболее явный пример провала такой перезагрузки в истории – реформа египетского фараона Эхнатона, попытавшегося создать монотеистический культ Атона. Культ Атона не обрел популярности ни в верхах, ни в низах и быстро сошел на нет. Возможно, идея монотеизма была действительно прогрессивной, но общество оказалось не готово ее принять.

Чаще срабатывал другой путь – создание религий на популярных, пусть и подкорректированных сюжетах. Можно заметить, что практически любая религия – иудаизм, хри-

стианство, ислам или индуизм – состоит из осколков старых мифов. Но эти осколки по-своему преобразованы в новые оригинальные формы, благодаря чему эти религии получили свой уникальный облик.

Религиозно-политические трансформации мифа нельзя было назвать прямым заимствованием. Речь шла о создании нового материала, в который добавлялись обрывки старых переосмысленных мифов. После такой работы миф приобретал новую форму, оставаясь практически неузнанным.

Стоит отметить и культурные аспекты религиозно-политического заимствования. Поэзия, музыка и ряд других жанров получали покровительство религии и представляли куда более качественную форму, чем вольная поэзия бродячих музыкантов. Именно жрецы или священники выступали покровителями многих видов искусства, а нередко и делали эти формы искусства недоступными для непосвященных. В жреческих закрытых обрядах формировались мистерии и таинства, зачастую связанные с религиозными пениями гимнов. Гимны же стали первыми религиозными текстами, которые постепенно оформлялись в новые формы.

Созревание сложных эпосов – Библии, Махабхараты и т.д. – происходило в течение столетий. Зачастую эти тексты являлись попытками объединить различные, независимые мифы в одну историю, связать их общей повествовательной или генеалогической цепочкой.

Но даже и новосозданных религий существовал свой срок

годности. И при устаревании религия подвергалась новой «перезагрузке» – менялся облик божеств, их значимость. Такое происходило и в тех случаях, когда новый монарх решительно менял традиции, как в случае с Эхнатомом, или демонстрировал независимость от культур метрополии, которые эти религии сформировали.

Даже в поздней истории, например, в период Средневековья, религия выступала объединяющей идеологией групп государств. И раскол в религии демонстрировал отход от этой общей идеологии и попытку сформировать свою независимую доктрину.

Так в христианстве происходило деление на католическую, протестантскую и православную церковь – каждой из этих церквей подчинялась определенная группа государств. Конечно, это подчинение зачастую было формальным, но достаточно значимым. И даже государства, объединенные общей религией, могли состоять в конфликтных отношениях друг против друга.

Естественно, на этом дело не закончилось – основные религиозные институты стали дополняться и разрастаться другими «отростками» – зачастую течениями различных схизматических групп или малоизвестных сект вроде мормонизма, чьи авторы использовали и преобразовали материал этих религий. По масштабу они значительно уступали трем основным религиям и не смогли обойти их по популярности, но все же могли влиять на какие-то группы людей, а следо-

вательно, участвовать в качественном заимствовании и преобразовании мифа.

К этим формам продукта религиозно-политического заимствования можно отнести эзотерику, теософию, оккультизм. Эти течения также являются полноценным продуктом мифотворчества – невозможно оценить будущее влияние этих направлений, теоретически они могут стать фундаментом новой религии или иного значимого института. Тут мне хочется несколько развить тему.

Современная эзотерика в основном базируется на мифологии. Причиной ее появления является неудовлетворенность в религии или науке, потребность в каком-то новом опыте. Нередко, авторы эзотерических трудов и ставят вполне коммерческие цели с целью заработать на своих трудах и даже породить какие-то новые движения. Это наиболее неблагоприятные формы такого мифотворчества, поскольку они часто связаны с мошенничеством и сектантством.

Существует своеобразный «эффект Калиостро», который ярко демонстрирует образование коммерческой недобросовестной эзотерики. В конце XVIII века, когда не были переведены египетские письмена, различные аферисты всех мастей, в том числе и так называемый граф Калиостро пользовались этим. Аферисты «переводили» эти загадочные египетские символы на свой лад, повышая свою известность и финансовое состояние.

Однако, открытие Розеттского камня предотвратило та-

кие спекуляции. Розеттский камень представлял собой стелу с тремя идентичными надписями на трех языках – египетском, позднеегипетском и греческом. Это позволило востоковеду Жан-Франсуа Шампольону совершить первый перевод с египетского языка и узнать, что стояло за египетскими надписями.

Как мы видим, существование каких-то пробелов, неясности или недооткрытости в мифологии приводит к попытке общества самому найти ответы на вопрос. А для аферистов эти пробелы могут стать золотой жилой и возможностью спекуляции на мифологии. Пресечь образование такого мошенничества полностью невозможно. Можно лишь снизить его, разобравшись в проблемных местах мифологии и выявив ее законы.

Краткая история государств и религий

А теперь немного постараемся разобраться с преемственностью мифов при религиозно-политическом заимствовании. Это довольно важный вопрос, поскольку нам нужно обратить внимание, как старые мифологемы попадают в новообразованные мифы и религии, хотя бы приблизительно.

Каждую культуру можно условно назвать своеобразным информационным слоем, поверх которого постоянно кладутся новые культурные слои. При этом новые слои вбирают в себя материал и старого слоя и нередко передают его следующим слоям. Чем моложе религия или миф, тем больше в них наблюдается этих слоев, пусть и в переработанной форме.

Условно можно выделить три основных «слоя», каждый из которых имеет свою специфику мифотворчества.

1 слой – архаичные государства Шумер, Аккад, Финикия, Египет. Эти государства наиболее древние в человеческой истории – их возраст уходит более чем за 2000 лет до н.э.

Шумерское государство в этом плане, вероятно, стало самым древним и оказалось материнским для других государств. Именно в Междуречье или Месопотамии – участке земли между реками Тигр и Евфратом – сформировались первые в человеческой истории города, произошло освое-

ние инструментов труда, появление ремесел. Предполагается, что основную роль в этом историческом этапе сыграл народ шумеров, однако есть различные теории и о неких предшественниках, от которых шумеры приняли культурно-историческую эстафету.

В течение тысячелетий государство шумеров доминировало на исторической арене. Представьте период, когда существовало не более десятка городов на всю нашу планету – и в этих городах была сконцентрирована вся история и культура человечества! Разумеется, помимо этих городов существовало и немало маленьких селений, но так или иначе все события, происходившие в истории шумеров, неизбежно проникли во все древние ветви мировой мифологии.

Но вскоре и у шумеров появился северный конкурент – государство Аккад, называемое так же Ассирией. Это новое государство стало своеобразным пионером, сформировав свою мифологию и пантеон богов, хоть незначительно, но отличающихся от пантеона шумеров.

Появление Ассирии можно было назвать расколом севера и юга – северные аккадские племена вышли из тени шумеров и заявили о себе на международной арене. Аккадцы сформировали свою культуру, язык и письменность, которая на сегодняшний момент известна как семитская.

Конечно, культурные преобразования ассирийцев были незначительны – они лишь изменили имена ряда богов и часть атрибутов. Так бог бури Ишкур стал Ададом, бог огня

Гибил – Гиррой и т.д.

Позднее небольшие локальные правки внес новый культурный очаг – город Вавилон, где ряд божеств сменил свое название, а космогония также прошла определенную перезагрузку. Но эти небольшие преобразования в дальнейшем формировали еще большую непохожесть новых культур, начинавших свое восхождение.

Необходимо упомянуть и другого северного соседа шумерского государства – Аратту. О культуре и истории этого государства мало что известно. Лишь несколько скудных надписей говорили об отношениях этого государства с шумерами. И есть предположение, что Аратта также породила множество интересных мифологем, о чем мы поговорим позже.

На востоке от государства шумеров возникло новое государство Элам, центром которого стал город Сузы. Это государство также сформировало свой язык, письменность, пантеон. Предположительно именно эламская культура сформировала последующие культуры Египта и Финикии благодаря колониальной экспансии.

Здесь следует сделать оговорку, что спор о первичности месопотамской или египетской культуры еще не до конца закрыт. Как Египет, так и Шумер являются древнейшими в мире цивилизациями, возраст которых составляет более шести тысяч лет. Безусловно, эти цивилизации не могли расти независимо друг от друга, наоборот, явно одно из этих госу-

дарств является «родителем», другое – «ребенком». И спор о первородстве этих цивилизации до сих пор ведется в науке. В этом споре я полагаюсь на первичность Шумера, поскольку это логично сочетается с некоторыми выводами моих работ.

Есть теории, что Египет и Финикия изначально являлись колониями древнего Элама и острова Бахрейн, известного как страна Дилмун. Колонисты практически переняли весь опыт месопотамской культуры и архитектуры и адаптировали его на новой почве. В дальнейшем египетская и финикийская культуры пошли по своему пути, однако оставила ряд еле заметных следов в своей культуре, указывающих на их происхождение. Наиболее подробно эти моменты можно найти в работах археолога Дэвида Рола, которые я учитывал в работе[21].

Египет стал примером того, как колония может далеко уйти от метрополии и даже превзойти ее. Египетская культура значительно отличалась от культуры Шумера и Аккада, но это лишь говорит о том, как яблоко далеко укатилось от яблони. Между этими культурами все же пусть слабо, но прослеживалась определенная связь. Особенно это наблюдалось среди божеств Египта, которые, по всей видимости, являлись адаптированными клонами месопотамских богов. Так месопотамское божество Шамаш, называемое Уту, превратилось в египетского бога Атума, божество Энки стало Птахом и т.д. Более подробно эти заимствования описаны у Ро-

ла[22].

Помимо культур Шумера, Египта, Элама, Ассирии и Финикии существовало и немало других малых народов, которые заимствовали и преобразовывали мифологии развитых народов в свои адаптации. Такими малыми народами являлись различные племена, соседствующие с Междуречьем – касситы, хетты, хурриты, гутии, бенсималиты и беньямины, часть которых также порождали развитые культуры.

Например, бенсималиты были причастны к появлению города-государства Мари, хетты – к постройке Хатуссы и т.д. Все эти малые города создавались с оглядкой на города Междуречья, однако впоследствии часть из них сумела получить даже большее влияние, чем их некогда величественные соседи. И возможно, из этих малых народов выросли и последующие доминирующие государства.

2 слой – религиозно-политические институты, образованные в период 2000-1000 лет до н.э.

В этот период появилось также немало различных культов и религий, самым весомым из которых оказался индуизм или его ранние формы, сформировавшиеся в государстве Хараппи и ряде других государств вроде Митанни. Государство Хараппи по своему влиянию на мировую культуру не уступало Месопотамии и Египту, а по площади и опережало. В состав этого государства входили такие города, как Хараппа, Мохенджо-Даро, Ракхигархи и многие другие населенные пункты долины Инда.

Основным религиозным текстом цивилизации Хараппи становится Ригведа – свод гимнов, составленный на санскрите. Ригведа становится первой поистине масштабной книгой, представляющей более тысячи гимнов, посвященных основным божествам Хараппи – Агни, Индре, Варуне и т.д.

При этом нельзя было сказать, что божества Хараппи появились с нуля. Многие из них явно являлись заимствованиями божеств Египта, Месопотамии или Финикии. Например, Индра, один из главных божеств индуизма, своими деяниями напоминает вавилонского Мардука. Как Мардук победил чудовище Тиамат, создав из тела Тиамат землю и небо, так и Индра побеждает змея Вритру. Из чрева Вритры выходят воды, устремившиеся к океану[23]. Аналогично и Тиамат представляет олицетворение мировых соленых вод. Другими словами, история Индры явно создавалась под влиянием вавилонской поэмы Энума Элиш или ее аналогов. Есть немало и других примеров, которые мы периодически будем рассматривать в следующих главах.

Есть предположение, что цивилизация Хараппи развивалась благодаря культуре Элама. Язык Элама и язык народа дравидов, составляющих основную часть этноса Хараппи, могли относиться к общей группе языков. Это вполне логично, ведь Элам был ближайшим культурным соседом Хараппи и мог выступать мостом между Хараппи и остальным миром, передавая какие-либо мифологемы. Так или иначе, влияние культуры Хараппи распространилось и на территорию древ-

него Ирана, где получила распространение религия нового уровня – зороастризм.

3 слой – религиозно-политические институты с начала 1000 лет до н.э. по наше время.

В эту эпоху человечество стало переходить к новым ценностям, гуманитарным понятиям, которые и были запечатлены в уже более сложных религиях – зороастризме, иудаизме, христианстве, исламе, буддизме. Еще до этих религий существовали попытки ввести своеобразные реформы вроде установления монотеизма или разнообразить морально-этические кодексы.

Наиболее значимым событием для рождения монотеистических религий стала реформа уже упомянутого египетского фараона Эхнатона. В XIV веке до н.э. Эхнатон сделал первую попытку ввести культ единого бога Атона, понизив статус остальных божеств. Возможно, эта задумка опередила свое время и не прижилась, но, так или иначе, после этого события начинается своеобразный бум монотеизма.

Вторым таким реформатором стал пророка Заратустра, основатель зороастризма и огнепоклонничества. Эта религия, предположительно появившаяся в древней Бактрии в начале первого тысячелетия до н.э., подчинила себе древний Иран. Заратустра успешно построил дуалистический монотеизм, представив мир как противостояние двух братьев-божеств – благого Ахура Мазды и злого Ахримана.

Помимо этих основных божеств в зороастризме суще-

ствовали и другие боги, но их роль уже указывалась существенно ниже. Теперь они являлись полубогами – асурами и дэвами, символизировавшими как светлое, так и темное начало. Вероятнее всего, эти божества являлись остатками политеистической системы и представляли трансформации того обилия богов, существовавших до зороастризма.

Божества зороастризма были явно заимствованы из индуистской религии – речь могла идти даже не конкретно о Хараппи, но о ряде других государств, где эта религия или ее аналоги получила распространение. Если в индуизме дэвами назывались боги, а асурами – антагонисты богов, то в зороастризме все стало наоборот – ахуры стали божествами, дэвы – антагонистами. К дэвам стали относиться и главные божества индуизма вроде Индры. Мы видим своеобразное отторжение, когда старые центральные божества получили нарицательные признаки в новой религии, что явно ускорило их свержение.

Кроме зороастризма в первом тысячелетии появились и другие религии – буддизм, даосизм, появилась и мифология Китая, Японии и других народов. Предположительно эти религии сформировались также под влиянием индуизма, заимствовав божества и часть сюжетов. Другие религии – греческие, римские, кельтские – уже основывались преимущественно на заимствованных и преобразованных мифах Месопотамии, Египта, Малой Азии. Происходит окончательное оформление таких крупных санскритских эпосов, как Рама-

яна и Махабхарата. Вообще этот период был достаточно богат на появление массивных текстов, связанных с мифологией.

Другой заметной монотеистической религией становится иудаизм. Согласно религиозной мифологии этого народа, еврейский народ происходит от одной из ветвей потомков праотца Адама, вступает в союз с Богом, исходит из Египта и успешно основывает государство Израиль.

Признаком «молодости» иудаизма является тот же монотеизм, причем монотеизм достаточно «чистый». Иудаизм в целом можно было назвать пионером монотеизма, возможно, благодаря этому религия получила свою популярность.

Иудаизм имел и некие признаки дуалистического монотеизма – деление на бога и дьявола, хоть и менее выражено чем в зороастризме. И хотя дьявол или сатана в главной религиозной книге иудеев Танах представлен достаточно скудно, все же его образ просматривается и напоминает того же зороастрийского Ахримана, злобного божества, ответственного за все плохое в мире.

Наблюдаются в иудаизме и другие схожести с зороастризмом – представления о загробной жизни, где произошло деление на Рай и Ад, эсхатологические мифы, повествующие о конце света и приходе «саошьянта» или спасителя – пророка, который должен спасти человечество от всех бед. В данном случае не идет речь о прямом заимствовании, просто обе религии формировались на какой-то общей основе. Это

лишь особенности «новых» религий данного периода.

Парадокс иудаизма был в его огромном влиянии и длительной истории, насчитывающей в мифологии более двух тысяч лет до н.э. Религиозная мифология евреев оказала большое влияние на развитие европейской цивилизации и даже науку благодаря распространению христианства. По этой причине, история еврейского народа долгое время казалась незыблемой и древней.

Но все больше историки склоняются к тому, что эта история по большей части искусственна и не настолько древняя как кажется, поскольку не подтверждается археологическими данными. В основе мифологии иудаизма также наблюдаются переработанные мифы Месопотамии, Финикии, Египта. А «историческим стержнем» этой религии стала история народа гиксосов, который некогда покорил Египет. Однажды гиксосы были изгнаны египтянами, что, возможно, породило миф об исходе Моисея и еврейского народа.

Есть предположение, что евреи в древности представляли собой замкнутую религиозную общину, прямо или косвенно связанную с Финикией. Финикийцы, которым в древности выпала роль успешных торговцев, – самый вероятный предшественник еврейского народа, который также хорошо состоялся в торговле. Другой признак этой связи – нарицательное отношение к божествам именно Финикии, Моава, Угарита. Такие центральные божества Финикии, как Вельзевул, Мелькарт или Шалиму (который стал известен как Лю-

цифер из-за некорректного переименования), преобразовались в демонов или отрицательных божеств и приобрели нарицательные черты. Нечто подобное мы наблюдали и в зороастризме, который подобным образом пытался избавиться от доминировавшего ранее индуистского пантеона.

Окончательное формирование иудаизма, по всей видимости, состоялось около III-II вв. до н.э. Фактически в этот период иудеи становятся известны миру, а их религия стала постепенно заимствоваться другими народами.

Донор и реципиент

А теперь перейдем к первым зачаткам терминологии. Хочу отметить, что следующие главы книги будут чересчур техническими и могут показаться трудными для читателя. При желании читатель может сразу перейти ко второй части книги и разобраться с терминологией интуитивно.

Мы рассмотрели две основные причины заимствования мифа – плагиат, возникающий при культурном обмене, и религиозно-политическое заимствование, при котором происходит переработка материала мифа для определенных нужд. Теперь немного изучим сам механизм заимствования и передачи информационного материала.

Как правило, такой механизм прост – информационный материал одного мифа поступает в другой благодаря мифотворцу. В качестве такого передаваемого материала выступают имена героев, их функции, сюжеты, атрибуты, образы – проще говоря, мифологемы. При этом передача зачастую происходит не без последствий для данных.

Если рассмотреть два мифа, один из которых является источником, а другой – приемником информационного материала, то отношения этих двух мифов можно условно называть отношениями **донора и реципиента**. Так и два мифа, участвующие в подобном обмене, можно условно назвать миф-донор и миф-реципиент (или просто донор и реципи-

ент в рамках данного исследования).

В медицине донор выступает дарителем какого-либо биологического материала, в котором нуждается реципиент. И миф-донор является изначальным хозяином определенных мифологем. Мифологемы донора копируются в миф-реципиент мифотворцем. При этом мифотворец зачастую преобразовывает эти мифологемы под определенные особенности культуры или другие задачи. В последующих трансформациях мифологемы донора могут иметь абсолютно неузнаваемые черты, значительно различающиеся с оригиналом.

Вообще распространение мифологем и любого информационного материала может происходить не только среди мифов, но и в других материалах – в истории, литературе, СМИ, где наблюдаются потери и изменение данных при передаче. В более широком смысле было бы корректнее обозначить пару источников как информационный донор (или инфодонор) и информационный реципиент (инфореципиент). Такая терминология тоже рассматривалась, но в ней не было большой необходимости. Все-таки мы будем говорить о мифе.

Донор не всегда выступает подлинным «родителем» мифологемы. Иногда он также в свою очередь является реципиентом, взявшим мифологему, как эстафетную палочку, от какого-либо вышестоящего донора. Такое заимствование может представлять собой цепочку передатчиков мифологем, где многие доноры являются реципиентами для их пред-

шественников.

Поэтому было решено обозначить «ложные» доноры также реципиентами, пусть и более ранними. Так реципиенты можно условно разделить на ранние и поздние по их месту в цепочке. Ранние реципиенты, как правило, представляют собой мифы с минимальными трансформациями и искажениями мифологемы. Поздние уже отличаются наиболее заметными отличиями относительно донора.

Другими словами, истинный донор мифологемы только один, последующие участники передачи в цепочке заимствования – реципиенты. Донор формирует цепочку, а от него дальше следуют реципиенты, которые различаются по старшинству. Следует отметить, что в некоторых случаях неизвестно, имеем мы дело с реципиентом или оригинальным донором истории, в этом случае мы условно будем указывать такой миф просто как источник или передатчик.

Обозначим передачу мифологем в цепочке реципиентов на схеме 1.

Схема 1. Донор и образованные им реципиенты.

На схеме мы видим механизм передачи мифологем, обозначенных кружками с буквой М. Донор рождает определен-

ные мифологемы и передает часть из них первому реципиенту в цепи. Первый реципиент передает мифологемы второму, а тот третьему. В процессе этой передачи происходит и неизбежное изменение самой мифологемы, а нередко и ее потеря. Из четырех изначальных мифологем донора на схеме в конечном реципиенте сохранилась лишь одна.

Потеря или трансформация мифологем при такой передаче – естественное явление для мифов. Эту цепочку можно сравнить с игрой в «глухие телефоны», когда группа людей передает шепотом друг другу какое-либо слово, сказанное ведущим игроком. Слово, которое слышит финальный игрок, может значительно отличаться от того, что сказал ведущий.

Пример с игрой в «глухие телефоны» прекрасно демонстрирует как передачу мифологем, так и их трансформацию. Мифологемы при передаче преобразуются, часть их теряется или искажается. Каждый игрок, участвующий в обмене, может восприниматься как очередной мифотворец, генерирующий новый миф.

Можно уверенно сказать, что многие цепочки передачи мифологем не заканчиваются. Как я говорил, мифообразование продолжается и в наше время, и некоторые мифологемы живут и до сих пор и могут обладать определенным влиянием. Даже старые и архаичные мифы теоретически могут порождать новых реципиентов через массовую культуру или религию.

Самые поздние реципиенты проходят наибольшие трансформации и могут значительно отличаться от донора. Более того, нередко реципиенты могут быть образованы несколькими независимыми донорами, что намного затрудняет их исследование. Например, славянская былина об Илье Муромце основывается отчасти на библейских сюжетах, а отчасти на иранской поэме Шахнаме. Можно сказать, что эта былина порождена двумя донорами или точнее двумя источниками.

Обозначим на схеме 2, как реципиенты могут быть основаны двумя или более донорами и как в этом случае могут распространяться и трансформироваться мифологемы. Как мы видим, конечный реципиент сохранил две мифологемы, принадлежащие разным донорам.

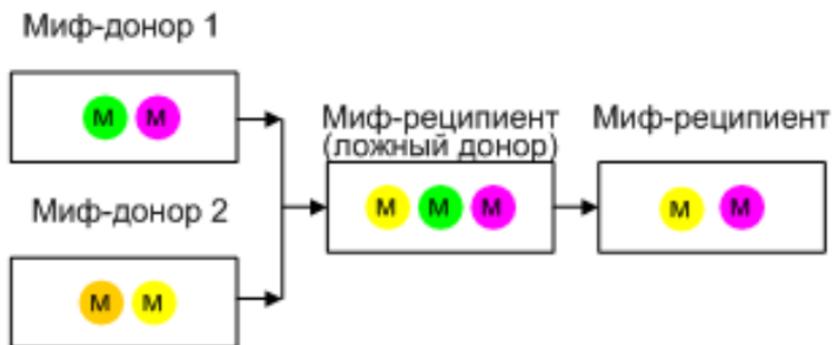

Схема 2. Реципиенты, образованные двумя донорами.

Так же следует учесть, что цепочка реципиентов, образо-

ванная донором, не всегда линейна. Иногда донор образует несколько таких цепочек, которые становятся независимыми и изолированными друг от друга. Такие параллельные цепи могут проходить по разным культурам и трансформироваться определенным образом.

Представим, что некая мифологема попала в иудейскую мифологию и одновременно в индуистскую. Из иудейской мифологии формируется цепочка реципиентов религии христианства и ислама, где мифологема проходит свою эволюцию без влияния извне. В индуистской мифологема проходит аналогичный путь, распространяясь уже по культурным мифам Азии. Каждая из цепей представляет собой уже уникальный материал, не похожий на другой, но при этом в его основе находится один и тот же донор.

В таком случае донора можно сравнить с корнем дерева, в котором мифы-реципиенты представляют собой информационные «стволы и ветви». Обозначим такую модель так же на схеме 3.

Схема 3. Независимые цепи реципиентов, образованные единым донором.

Следует отметить, что донор не всегда является мифом, в оригинале он может быть информацией любого рода от исторической хроники до наскального рисунка. Он может быть представлен единственной мифологемой – минимально возможным цельным информационным фрагментом, с которого идет заимствование. И именно этот единственный фрагмент и передается реципиенту, что, впрочем, не исключает его трансформацию.

Например, образ шумеро-аккадского божества Кулулу, представляющего из себя получеловека-полурыбу, мог послужить источником для заимствования таких божеств, как финикийский Дагон или греческий Тритон. Здесь в передаче участвует мифологема образа божества, которая, собственно, и составляет информационный материал донора. Другими словами, Дагон мог быть списан с Кулулу, а Тритон с Дагона. Мы видим возможную последовательную цепь заимствованных образов, в которых происходит трансформация.

Куллу. Изображение на ассирийской печати

Дагон. Изображение на барельефе из Хорсабада

Тритон. Гравюра середины XIX века

Обозначим эту цепь образов на рисунке, а саму трансформацию на схеме 4.

Схема 4. Донор и реципиенты, представленные единой мифологемой.

В большинстве случаев донора установить невозможно. Либо он значительно отличается от порожденного им материала в связи с его трансформацией, либо он безвозвратно потерян ввиду своего «возраста». Можно утверждать, что как минимум 95% мировой мифологии представлены реципиентами. Большая часть мифов – это бесконечные повторы одних и тех же историй, и чем «ярче» миф, тем более веро-

ятна его «вторичность».

Трансформации мифологем

Игра в «глухие телефоны» является хорошим примером, как теряется и искажается информация, переносимая от доноров к реципиентам. Но это далеко не единственный вид трансформаций, которые происходят в мифологии. Категория трансформаций простирается от изменения слов и букв в именах до изменения хронологии сюжетной линии и многого другого.

После трансформации реципиент может практически не отличаться от источника, а иногда наоборот – выглядеть аутентичным и самобытным мифом. Нередко этого и добиваются определенные мифотворцы – стереть следы любого заимствования. Конечно, в данном исследовании не стоит вопроса выяснения причин, по которым сюжеты мифа подвергались изменению. Здесь можно увидеть и погрешности в мифологии, культурную и пропагандистскую переработку мифа или просто попытку красиво вписать сюжет в какую-либо эпическую поэму.

Как говорилось ранее, образование новых мифов-реципиентов фактически не останавливается. Мифы так же продолжают появляться и формироваться в нашей массовой культуре – кино, литературе, используя основную фабулу из сюжетов мифологии. Трансформация сюжетов, персонажей уже ставит целью адаптировать миф для современной аудитории,

сделать миф привлекательным и внести в него определенную повестку.

Собственно, такие же цели стояли и у многих мифотворцев древности, генерирующих новые реципиенты. Обычно именно через призму массовой культуры большинство людей судят по мифу. И именно массовая культура обладает своим влиянием и задает правила для последующих трансформаций. Разнообразие трансформаций растет, но основные закономерности при этом присутствуют.

Было замечено, что трансформации могут касаться либо свойств самих мифологем, либо их положения в хронологической структуре мифа. Всего было выявлено три вида трансформаций, каждая из которых имеет свою специфику:

1) **Частная трансформация информационного материала** или трансформация мифологемы – категория трансформаций, при которых происходит изменение конкретной мифологемы в процессе ее передачи от источника реципиенту. Во время этой трансформации мифологема меняет свои свойства, но не положение в структуре мифа.

2) **Структурная трансформация информационного материала**, или трансформация мифа, – категория трансформаций, при которых в процессе передачи мифологемы от источника реципиенту происходит ее смещение в структуре мифа либо ее потеря. Во время структурной трансформации меняется положение мифологемы или ее наличие в материале реципиента, но не происходит изменения ее свойств.

3) Комбинированная трансформация информационного материала – сочетание частных и структурных трансформаций.

Следует отметить, что на практике по отдельности частных и структурных трансформаций не бывает. Исключением является лишь частная передача, при которой миф представлен единственной мифологемой. Как правило, мы всегда имеем дело именно с комбинированными трансформациями. Однако изучение частных и структурных трансформаций по отдельности поможет нам лучше проанализировать механизм изменения мифа при его передаче.

Но в тоже время просматривается определенная тенденция образования трансформаций. Структурная трансформация происходит из-за хронологических ошибок в мифе – как правило, в виде упрощения изначального материала мифа, сокращения или перестановки генеалогических цепей и сюжетов. Частная трансформация – из-за погрешности или умышленной переделки автором материала мифа.

Частную и структурную трансформацию можно представить в виде мысленного эксперимента с палитрой художника. Представим себе некоторую палитру художника, состоящую из четырех цветов. Каждый из цветов будет символически представлять какую-то мифологему, а вся палитра – миф. Отообразим эту «палитру художника» на схеме 5.

Схема 5. Изначальная «палитра художника»

Предположим, что эту палитру попытались скопировать три других художника. Первый художник при этом перепутал цвет некоторых красок – часть из них изменили свой оттенок, которые мы отметим буквой \bar{M} .

Второй художник перепутал порядок цветов в палитре, вдобавок потерял часть красок и заменил их другими из другой палитры – в данном случае речь не об изменении оттенка, а о полной замене.

Третий художник перепутал и цвет, и положение.

Отообразим этот эксперимент на схеме 6.

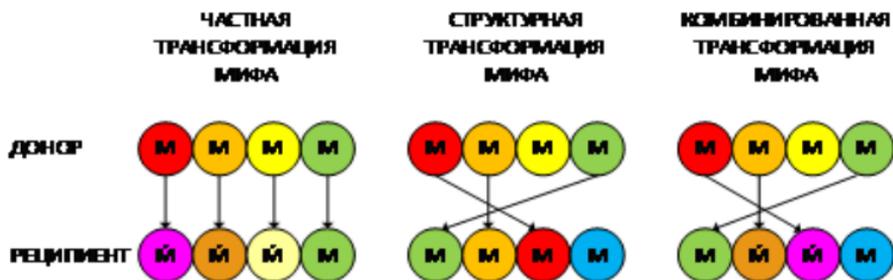

Схема 6. Частные, структурные и комбинированные трансформации на «палитре художника».

Первый художник смоделировал частную трансформацию

цию, второй – структурную, третий – комбинированную. Эксперимент с палитрой хорошо нам показывает суть трансформаций. Частная трансформация меняет оттенок красок, структурная – положение и наличие краски, комбинированная сочетает практически все ошибки. Мы видим и то, что какие-то мифологемы могут оставаться без изменений и качественно, и структурно и в таком виде попасть в материал реципиента.

Не только палитра художника является хорошим примером трансформации мифа. Другим примером могут являться генетические мутации в человеческой клетке. Молекула ДНК, сложенная из четырех нуклеотидов, может подвергаться изменениям. Эти изменения могут быть частного характера, например, нуклеотид меняется на другой, скажем, цитозин на урацил, урацил на тимин. А могут быть и структурные изменения самой молекулы в результате хромосомных и геномных мутаций – при этих мутациях происходит изменение последовательности блоков нуклеотидов. Конечно, это необязательный пример, но вполне уместный.

Эксперимент с палитрой привел меня к мысли обозначать трансформации для какого-либо конкретного мифа в виде схемы, в которой бы отмечались как частные, так и структурные трансформации. Но на практике в схеме не оказалась большой необходимости, это лишь усложняло работу. Практически невозможно определить всю миграцию мифологемы в мировой культуре с пройденными трансформаци-

ями. При этом применение схемы в будущем теоретически возможно, когда будут лучше просматриваться связи между донорами и реципиентами.

А теперь разберем более подробно, что из себя представляют частные и структурные трансформации мифа.

Частные трансформации

Именно частные трансформации информационного материала наиболее детально раскрывают мифологемы во всем их разнообразии. Эти трансформации касаются изменения рядовых мифологем. В отличие от структурных трансформаций, их выявить намного сложнее. Частные трансформации могут быть настолько непредсказуемыми, что делает практически невозможным доказательства связи отдельных реципиентов с каким-либо донором.

Особенно это заметно, например, в Библии, где часть историй, несомненно, являются переработкой более старых мифов. Но сложность этой переработки не позволяет полноценно связать мифы с их источниками, лишь выдвигать теории о косвенных связях между ними.

Прежде чем мы перейдем к трансформациям, попробуем классифицировать сами мифологемы. Ранее мы рассматривали несколько примеров мифологем, вроде сюжетов о Калидонской охоте или образов реки подземного мира. Сюжеты и образы связаны с классическим пониманием мифологемы Юнга. Но в данном исследовании разнообразие мифологем не будет ограничиваться только сюжетами и образами, но и дополнится другими информационными элементами мифа.

Всего я выделил шесть групп мифологем, с которыми мне пришлось повстречаться на практике. Итак, что же это за

группы:

1. Сюжетные мифологемы
2. Лингвистические мифологемы
3. Образные мифологемы
4. Ролевые мифологемы
5. Информационные мифологемы
6. Географические мифологемы

Хочется отметить, что это перечисленные мифологемы не единственные существующие мифологемы, лишь самые основные. Поскольку мифологемой может выступать любой информационный элемент мифа, например, числа, даты, обряды и ритуалы и многое другое. Но в пределах изучаемых мифологем этого хватит вполне, а возможно, даже и многое будет лишнее.

Следует отметить, что по-настоящему смысл мифологем данных групп раскроется, когда мы станем изучать их трансформации. Соответственно для каждой из групп мифологем существует своя трансформация.

Помимо данных трансформаций существуют еще межвидовые трансформации. В процессе этих трансформаций мифологема одной группы превращается в мифологему другой группы. Скажем, сюжетная – в лингвистическую или образная – в информационную.

А теперь обратим внимание на мифологемы и их трансформации.

Сюжетные мифологемы и их трансформации

Сюжетные мифологемы – мифологемы, связанные с сюжетами мифа, деяниями и функциями персонажей мифов. Именно элементы сюжета мифа в первую очередь ассоциируются с классическим определением мифологемы. Сюжетные мифологемы – наиболее распространенные мифологемы, довольно часто мы их будем встречать в данной работе.

Примером таких мифологем могут являться те же указанные в предыдущих главах деяния Геракла, короля Артура, Ахилла. Обстоятельства рождения, подвиги, смерть – все это сюжетные элементы мифа. К этим мифологемам можно отнести такие сюжеты, как похищения золотого руна, изгнание героя и огромное множество других деяний, совершаемых персонажами мифов.

В процессе заимствования сюжетные мифологемы подвергаются трансформациям, во время которых сюжет мифа значительно или незначительно меняется.

Сюжетные трансформации, или трансформации сюжетных мифологем, представляют собой изменение того или иного сюжетного элемента мифологемы при ее передаче от источника к реципиенту. Сюжетные трансформации – наиболее распространенная разновидность частной трансформации.

Один из примеров такой трансформации мы рассмотрели при анализе мифологемы охоты на кабана. Как было сказано выше, есть предположение, что донором этой сюжетной мифологемы является предание о египетском царе Менесе, убитом на охоте бегемотом. Греческие, финикийские, ирландские и прочие авторы адаптировали этот сюжет в целую разновидность реципиентов, где основой являлся сюжет охоты на кабана, обладающего магическими свойствами.

В каждой из историй мы видим незначительные сюжетные отличия — произошедшие конфликты после охоты, любовный треугольник и нередко смерть главного персонажа. Однако, возможно, эти примеси попали в историю от других доноров. Сюжетное ядро мифа остается постоянным.

Есть и другие интересные примеры сюжетных трансформаций. Популярный миф о короле Артуре, в котором герой извлекает волшебный меч из камня и получает право власти, имеет множество сюжетных аналогов. Аналогичным образом Зигфрид, герой скандинавской поэмы «Сага о вельсунгах», извлекает меч бога Одина из огромной яблони. Скандинавский бог Тор может поднять молот Мьельнир, недоступный другим персонажам. Армянский герой Давид Сасунский поднимает неподъемную палицу мсырского царя, а воткнутое в землю копьё осетинского героя Батрадза не могли достать его враги.

Аналогичная история случается и с индийским Рамой, и с греческим Одиссеем, которые смогли натянуть лук, недо-

ступный другим смертным. При этом маловероятно, что один из перечисленных мифов является донором – скорее мы видим группу реципиентов, основанных неким неизвестным донором. И все реципиенты прошли свои трансформации – менялось оружие, его свойства и само знакомство героя с этим оружием.

Еще один хороший пример – библейский миф о штурме города Иерихон. Во время этого штурма, возглавляемого Иисусом Навином, евреи семь раз обошли вокруг стен города, в том числе семь священников, трубивших в трубы. После этого стены разрушились, и Иерихон пал[24].

Как ни странно, подобный сюжет есть в индонезийской Рамаяне. Но здесь мы видим куда более мирную версию. Во время свадьбы магараджи Раваны – главного антагониста эпоса – свадебная процессия совершает семь кругов по городу. Процессия сопровождается громкой игрой музыкантов, играющих в гонги, барабаны и флейты[25].

Предположительно оба мифа являются реципиентами одного донора – возможно, популярной в древности брачной церемонии. В библейском мифе процессия разрушает Иерихон, семикратно его обходя и играя музыку. В индонезийском мифе подобная процессия является свадебным обычаем, эта процессия под громкую музыку семь раз обходит город.

Наличие музыкантов в обеих историях словно подтверждает связь этих историй. Однако при этом мы видим значи-

тельную сюжетную трансформацию библейской версии, где свадьба превращается в похороны Иерихона.

Что интересно, накануне штурма Иисус Навин отправляет двух лазутчиков в Иерихон. Аналогично Равана отправляет двух вестников на небо, двух вестников в море и двух вестников в глубь земли – вестники должны были принести все имеющиеся музыкальные инструменты для свадьбы. Это, конечно, незначительная деталь, но тоже может иметь значение. В нашем исследовании все малозначительные детали в итоге могут иметь колоссальное значение.

Лингвистические мифологемы и их трансформации

Лингвистические мифологемы – мифологемы, связанные с именами, прозвищами или эпитетами персонажей, названиями городов или географических объектов, а также и других одушевленных и неодушевленных предметов.

Чаще всего лингвистические мифологемы представлены именами персонажей. Геракл, Артур, Рама, Кришна – имена героев тоже являются мифологемами, имеющими значение в определенных обстоятельствах. Ведь нередко имя того или иного героя повторяется в разных мифах.

Возьмем, к примеру, скандинавского бога грома Тора. Согласно Младшей Эдде, этого героя звали Трор, он был правителем Фракии и сыном троянского конунга Меннона. Этот Трор мог быть лингвистически тождественен греческому царю Тросу, основателю Трои, а также легендарному мидийскому царю Фраорту. Трор, Трос, Троя, Фраорт, Фракия – здесь мы говорим практически об однокоренных словах, т.е. о явной лингвистической мифологеме.

Следует также отметить, что Меннон, отец Трора, в свою очередь может быть отождествлен с Мемноном, троянским царевичем, защищавшим Трою. Словно угадывается, что мы говорим об одной и той же истории, рассказанной разными рассказчиками, которые что-то любили приукрасить или из-

менить.

Конечно, многие скажут, что лингвистические признаки не совсем уместно относить к мифологемам. Но раз уж в моей работе мифологемы являются информационным элементом, то и их лингвистическую форму можно допустить. На практике это значительно упрощает работу.

Лингвистические трансформации, или трансформации лингвистических мифологем, – это трансформации, в процессе которых происходит изменение имени, эпитета или прозвища какого-либо персонажа, названия одушевленного или неодушевленного предмета или географического объекта.

Данные трансформации были очень естественны для древнего мира, когда многообразие культур и народов сформировало много диалектов и акцентов. При передаче речевых элементов происходили естественные фонетические потери – слова искажались, теряли часть звуков и нередко приобретали совершенно иное звучание.

Многие буквы и слова меняются при заимствовании мифов, иногда «т» меняется на «ф», «а» на «и», но суть остается прежней. Мы убедимся, что многих персонажей мифов что-то объединяет, в том числе и их имена.

Даже сейчас можно обратить внимание на различие, например, греческого перевода Библии и еврейской книги Танах, где названия одних и тех же персонажей могут отличаться. Ной может превратиться в Ноя или Нуха, Сиф – в Шета

или Шеда, Енох – в Аноша и т.д. В древних языках такие расхождения были нормой, что приводило к целым научным дискуссиям о связи тех или иных персонажей.

Нередко имена божеств старших культур вольно или невольно становились донорами для имен более молодых персонажей. Например, ведический бог неба Дьяус превращался в греческого бога грозы Зевса, хеттское божество Телепину – в греческого героя Телефа. При этом у таких «тезок» может не наблюдаться никакой иной связи – ни в сюжете, ни в атрибутах.

Иногда такое заимствование имен происходит комплексно. Например, авестийские божества заимствовали имена своих предшественников – ведических божеств практически без трансформаций. Заимствование коснулось и ряда названий вроде божественного напитка сомы. Для удобства отобразил такие зависимости в таблице 1.

Имя иранского персонажа	Имя ведического божества
Ахура Мазда, верховное божество пантеона	Асура, название верховных божеств в Ригведе
Ангхро-Майнью (Ариман), брат и антагонист Ахура Мазды	Арьяман, божество солнца
Вивахвант, третий царь династии Пишдадидов	Вивасват, божество солнца
Йима, четвертый царь династии Пишдадидов	Яма, бог справедливости и царь подземного мира
Феридун (Траэтаона), шестой царь династии Пишдадидов	Трита, древнее божество морской бездны (в некоторых случаях грома)
Хаома, обозначение ритуального напитка	Сома, обозначение ритуального напитка

Таблица 1. Лингвистические связи между иранскими пер-

сонажами и ведическими божествами.

Аналогичную картину мы можем увидеть и в Библии, где ряд персонажей явно получили свои имена в честь месопотамских и шумерских божеств. Замечания таких сходств не единожды публиковались различными авторами. Отообразим эти сходства в таблице 2.

Имя библейского персонажа	Имя божества
Ева, прародительница человечества	Хепат, хурритская богиня солнца [26]
Каин, первый сын Адама и Евы	Хна, мифический прародитель финикийцев
Авель, второй сын Адама и Евы	Гибил, шумерский бог огня
Сиф, третий сын Адама и Евы	Сет, египетский бог войны
Нимрод, царь-основатель Вавилона	Нинурта, шумеро-аккадский бог войны
Ламех, отец Ноя	Лахму, аккадское божество
Сарра, супруга пророка Авраама	Сарра, супруга моавитского бога Камоша [27]
Вирсавия, жена царя Давида	Шавушка, хеттская богиня (имя Вирсавия в изначальной форме читалось как Бат-Шуа [28])
Анна, мать пророка Самуила	Анат, месопотамская богиня
Эсфирь, персонаж Книги Эсфирь	Иштар, месопотамская богиня
Мордехай, двоюродный брат Эсфирь	Мардук, шумеро-аккадский бог
Даниил, пророк	Данниилу, герой финикийских мифов
Адонай, один из эпитетов бога Яхве	Адонис, финикийское божество
Яхве, еврейский бог	Йево, одно из имен финикийского бога Йамму
Семьяз, падший ангел из книги Еноха	Шамаш, ассирийский бог солнца

Таблица 2. Лингвистические связи между библейскими

персонажами и древними божествами.

Нередко во время лингвистических трансформаций донорами могли выступать названия городов или географических объектов. Или наоборот – персонажи давали своим имена тем или иным городам.

Так греческий бог подземного мира Гадес получил свое имя от названия города – финикийского Кадиса. Библейский патриарх Ной мог иметь отношение к Несу или Канесу – древнему городу Малой Азии. Иерусалим был назван в честь финикийского божества Шалиму, к нему относится и имя Сельм, встречаемое в Шахнаме. Библейский патриарх Тогарма аналогично мог быть связан с названием хеттского города Тегарама, здесь сложно сказать, кто лингвистический донор, а кто реципиент.

Больше всего повезло, пожалуй, шумерскому городу Эриду – корень этого названия наблюдается у имен следующих мифических персонажей – библейского Иареда, иранского Иреджа и греческой богини раздора Эриды.

Не исключено, что и названия городов заимствуют названия других объектов – так библейский мифический город Иерихон мог заимствовать свое название у шумерского города Урука, который в греческой версии, кстати, назывался Орхон. Ведь в действительности Иерихон так и не был найден – однако этим названием окрестили один из найденных археологами городов. Что, если мы имеем дело с миграцией мифа, приведшей к такой трансформации?

Корень может менять часть букв, звучаний, а может, наоборот, дополняться новыми словами. Например, Джемшид – имя одного из иранских мифических царей – представляет собой комбинацию двух корней – Джем (так же в некоторых формах читается как Джима или Йима) и Шид, что в свою очередь можно связать с такими именами, как Шет, т.е. библейский Сиф.

Традиция дополнять имена дополнительными названиями идет от эпитетов, которыми наделяли древних царей. К слову, эпитет мог вбирать в себя все что угодно, как личные качества царя, так и названия городов или объектов и даже божеств. Эпитеты царей также нередко выступали донорами для имен мифических персонажей, мы рассмотрим эти примеры в отдельной главе. А пока что перейдем к следующей мифологеме.

Образные мифологемы и их трансформации

Образные мифологемы – мифологемы, отвечающие за образы, признаки, атрибуты или дополнительные элементы персонажей или каких-либо объектов в мифе. К таким мифологемам часто относятся прилагательные части речи. Например, герой красивый, отважный, украшенный золотом и т.д.

Морская дева, лесной подвижник, небесный город – любые художественные и описательные образы мифов могут быть отнесены к образным мифологемам. Нередко, кроме образа, у них ничего и нет – ни сюжета, ни имени. Мы просто имеем изображение, которое также может заимствоваться и формироваться в мифе.

Пример образной мифологемы мы упомянули, когда описывали реку подземного царства. Как мы убедились, в мировой мифологии множество образов, связанных с этой рекой, и все они незначительно различаются. К образным мифологемам можно отнести и мифологемы божественного младенца или матери-земли, которые описывал Юнг. Эти образы обычно не связаны с каким-то сюжетом, хотя нередко грань между образными и сюжетными мифологемами весьма расплывчата.

Образные трансформации, или трансформации образных

мифологем, представляют собой изменение образа, описания, изображения или формы какого-либо элемента мифа-донора при передаче его в структуру мифа-реципиента.

Образные трансформации достаточно распространены среди обликов божеств. Например, римский бог Юпитер почти неприкрыто скопирован с греческого бога Зевса. А Зевс являлся поздним реципиентом финикийского бога грозы Адада. У всех перечисленных божеств мы можем видеть ряд общих атрибутов – наличие бороды, изображение пучка молний и многое другое.

Другой пример. Образ мифического иранского царя-антагониста Зохака вполне может служить источником для таких существ, как трехглавый дракон Змей Горыныч из славянской мифологии или его аналоги. Дело в том, что Зохак представляет собой человека, из плеч которого торчат две ядовитые змеи.

Конечно, Зохак не единственный здесь представитель, можно вспомнить такого антагониста, как Равану, имеющего десять голов, и других персонажей. Не исключено, что оба образа являются лишь реципиентами одного неизвестного донора.

Впрочем, одна любопытная теория такого донорства есть. Возможно, образ Зохака был заимствован образом шумерского божества Нингишзиды. Это божество имело такие же атрибуты – из его плеч виднелись две рогатые змеи. Другой бог, Энки, имел похожие атрибуты на печати Аккада – толь-

ко из его плеч исходили две струи воды. Т.е. образ Нингидзы мог заимствоваться для образа Зохака, а тот, в свою очередь, для Змея Горыныча.

Часть таких трансформаций куда интереснее. Взять, например, христианский образ Григория Победоносца, сидящего на коне и поражающего змея. Корни этого образа идут из глубокой древности – вероятно, от угаритского божества Баллу. Баллу, согласно некоторым эпитетам, был подобен всаднику, восседающему на облаке и поражающему землю молнией-копьем[29]. Аналогичный образ присутствует и в культуре фракийского всадника, а также в изображении Зевса, поражающего змееподобного Тифона, пусть в этом образе Зевс не представлен всадником.

Ряд образных трансформаций связаны с географическими объектами, описательный или художественный образ которых зачастую имеет общие черты. Примером может служить мифический остров Фемискира, который, согласно греческим мифам, населен воинственными женщинами-амазонками. Такой образ зачастую связан с ярко выраженными женскими образами и часто представлен аналогом некоего рая и запретного царства.

Образ встречается во многих культурах и имеет свои адаптации. В кельтской мифологии это подводный остров морского бога Мананнана Мак Лира, а также мифический Аваллон, место обитания фей. В индонезийской Рамаяне существует аналогичный остров Индера Пуспа Варам, насе-

ленный женщинами-подвижницами. Лемминкяйнен, герой эпоса Калевала, также скрывается от врагов на некоем острове, населенном женщинами. Аналогично в греческой мифологии имеется явная альтернатива острова – остров нимфы Калипсо, пленившей Одиссея. Есть также предположение, что именно этот образ трансформировался в образ мусульманского рая, населенного вечно юными девственницами, – слишком заметные аналогии.

Пока сложно сказать, что послужило донором для такого острова – закрытые гаремы или существование некоего матриархального культа. Но, так или иначе, остров играет какую-то роль в мифологии в качестве убежища для протагониста.

Ролевые мифологемы и их трансформации

Ролевые мифологемы – мифологемы, раскрывающие личность, идентичность или уникальность персонажей, а также роль персонажа в структуре мифа, в том числе и генеалогии.

На первый взгляд, эти мифологемы напоминают и образные, и сюжетные мифологемы, поскольку часто связаны с признаками персонажей или объектов и некоторыми функциями. Но есть основное отличие – ролевые мифологемы представляет собой скорее ядро самой личности персонажа, его «я», чем иные признаки.

Нередко в мифологии или литературе мы изучаем персонажей, основанных на каких-то реальных исторических прототипах. При этом имя мифического персонажа, как и его деяния, могут значительно отличаться от имени и деяний прототипа.

Но без имени, деяний и прочих признаков персонаж все же не является пустым местом, остается элемент его личности, его «я», а иногда и ряд дополнительных признаков, которые хоть как-то могут характеризовать персонажа. Именно ролевые мифологемы будут использоваться при поиске реальных прототипов персонажа.

Ролевая мифологема подразумевает и положение персонажа в генеалогической цепи. Многие крупные эпосы име-

ют достаточно массивные династии героев, и причастность персонажа к его положению в этой династии также является элементом его ролевой мифологемы. Например, в Библии Авраам родил Исаака, Исаак – Иакова и т.д.

По сути, каждый герой мифа обладает ролевой мифологемой, но не всегда это следует учитывать. Лишь тогда, когда в схожих мифах герои в результате трансформаций меняются ролями – например, антагонист следует сюжетной линии протагониста и т.д.

Ролевые трансформации, или трансформации ролевых мифологем, представляют собой смену ролей тех или иных персонажей при передаче мифологемы от источника реципиенту.

Ролевую трансформацию можно сравнить с перестановкой ролей артистов в театре. Скажем, по каким-то причинам артисты начинают передавать часть своих диалогов, действий, образов другим артистам, при этом меняя историю. При этом часть функций, скажем, протагониста отходит, например, антагонисту или иному персонажу – соратнику, возлюбленной и т.д.

В предыдущих главах мы приводили интересные сравнения двух героев – Ахилла и Арджуны. Оба героя при схожих условиях одерживают победу над антагонистом. Ахилл убивает Гектора, сильнейшего воина Трои. Арджуна убивает Карну, сильнейшего воина рода Кауравов.

Спустя какое-то время Ахилл гибнет от стрелы, попав-

шей в его пяту. Арджуна не гибнет подобным образом, но от стрелы, попавшей в пяту, умирает Кришна, друг Арджуны. Арджуна словно передает эту роль смерти от стрелы своему другу, возможно, изначально эта смерть предназначалась не Кришне. Можно предположить, что это не простые совпадения.

Рассмотрим еще интересный пример. Существует мусульманский миф о царе Соломоне и царице Билкис, под которой подразумевают царицу Савскую. Посетив дворец Соломона, царица приняла хрустальный пол «за водяную пучину и открыла свои голени», приподняв подол своего платья и попав этим самым в неловкую ситуацию[30].

Многие комментаторы Корана зачастую упоминают о том, что Соломон подстроил эту ситуацию намеренно, чтобы вывести Билкис на чистую воду, – по одной версии, под подолом она скрывала копыта вместо ног, по другой – просто волосатые ноги. В любом случае история окончилась тем, что Билкис покорилась Соломону и уверовала в Аллаха.

А теперь посмотрим на аналогичный сюжет в Махабхарате. Один из антагонистов эпоса – царь Дурьодхана – посетил дворец братьев Пандавов и при этом несколько раз угодил в неловкие ситуации, связанные с полом. Перепутав зеркальный пол с бассейном, Дурьодхана упал в воду в одежде. И наоборот, снял одежду и вступил на зеркальный пол, приняв его за бассейн, за что был осмеян[31].

Предположим, что оба мифа являются реципиентами од-

ного донора. Сюжетной трансформацией назвать такие реципиенты можно с большой натяжкой, поскольку сюжет в обеих историях совершенно одинаковый. Так что лучше эту трансформацию указать как ролевую. Персонажи лишь меняются ролями – в одном случае опозоренной является царица Билкис, возлюбленная протагониста Соломона, в другом случае опозорился антагонист Дурьодхана.

Зачастую такая смена ролей связана с неприятием тех или иных образов в определенной культуре. Например, в чресчур патриархальной культуре могут быть неуместны образы женщин-воинов, и при заимствовании такие женщины передают свои роли другим персонажам.

Один из персонажей Махабхараты, возможно, является таким примером. Воин по имени Бхишма во время финальной битвы противостоит протагонистам – братьям Пандавам. Бхишму нельзя назвать антагонистом, наоборот, он очень любит братьев, которые являются его родственниками. Но без поражения Бхишмы выиграть братья не могут, а победить его практически невозможно. Есть лишь одна возможность такой победы – Бхишму может победить женщина по имени Амба.

Некогда Бхишма похитил Амбу, сорвав ее помолвку с женихом, за что был проклят ею. Возможно, изначально Амба должна была выступить в бою против Бхишмы. Но образ женщины-воина, по всей видимости, не был уместен для Махабхараты. Поэтому роль Амбы ушла воину Шикханди,

который являлся реинкарнацией уже умершей к тому времени Амбы. Шикханди сыграл роль приманки в бою против Бхишмы, после чего тот был повержен Арджуной[32].

К ролевым трансформациям можно отнести и нарушения генеалогических цепей. Нередко мы имеем какую-то родословную персонажей, что часто наблюдается в Библии, Махабхарате, Авесте. Эта родословная копируется в другие источники – апокрифы или иные тексты, где можно наблюдать пропажу какого-либо персонажа из цепи или его смещение.

Часто крупные эпосы также предлагают две версии таких генеалогических ветвей, которые незначительно отличаются друг от друга. Например, две библейские ветви патриархов, существовавших до Потопа, – ветвь Каина и ветвь Сифа, – незначительно отличаются друг от друга. Мы имеем Еноха и Еноса, Каина и Каинана, Ирада и Иареда, Мехиаеля и Малелеила и т.д.[33] Такие трансформации можно назвать отчасти и лингвистическими. Как мы видим, грань между некоторыми мифологемами разных групп очень тонка.

Следует отметить, что трансформации генеалогических линий, в некоторых случаях являются разновидностью структурных трансформаций, о которых мы поговорим позднее.

Информационные мифологемы и их трансформации

Информационные мифологемы – мифологемы, отвечающие за произнесенные или написанные персонажами в мифе тексты, фразы. Другими словами, эти мифологемы отвечают за информацию внутри информации. Эти мифологемы наименее важные в данной работе, но все же имеют определенное значение.

Примером информационной мифологемы, скажем, могут являться священные заповеди, например, «не убей», «не укради». Эти заповеди библейский Моисей явил еврейскому народу от имени Бога.

Мы можем встретить подобия этих заповедей в других культурах. Египтолог Джеральд Месси проводил аналогии заповедей Моисея с египетской Книгой мертвых – сборником ритуальных гимнов, посвященных приготовлениям к загробной жизни[34]. Так библейская заповедь «не убий» тождественна египетскому тексту Книги Мертвых «я не убийца», заповедь «не укради» тождественна «я не содержал кражи» и т.д. Нечто подобное мы можем наблюдать в религиозных гимнах Индии и заповедях Авесты.

Информационные трансформации, или трансформации информационных мифологем, – это трансформации, при которых происходит изменение информационных материалов

мифа – писем, реплик персонажей при передаче мифологемы от источника к реципиенту.

Фразы, письма и другие подобные элементы мифа так же могут передаваться и трансформироваться. Хорошим примером такой мифологемы может служить библейская притча об Иове.

Иов, богобоязненный и непорочный человек, был однажды испытан Богом по просьбе Сатаны. Сатана считал, что вся праведность Иова исчезнет с исчезновением его богатства. Бог дает разрешение на это испытание, но не позволяет сатане трогать душу Иова.

Сатана забирает у Иова все его богатство, детей и слуг, а впоследствии наслал на праведника проказу. Иов был вынужден покинуть город и сидеть за его пределами в пепле и навозе. Во время беседы со своими друзьями Иов неоднократно жалуется на свою жизнь, но при этом не отворачивается от Бога. За свою твердость Бог вознаграждает Иова и возвращает ему все, что он потерял[35].

Есть предположение, что история Иова – реципиент старой вавилонской поэмы, называемой «Поэмой о невинном страдальце». Открытие этой поэмы и установление связи с библейским сюжетом – заслуга американского археолога Самюэля Крамера[36]. В поэме некий человек тяжело заболевает, но при этом не отворачивается от бога Мардука и богини Царпанит. За это Мардук, согласно одному из комментариев поэмы, избавляет страдальца от болезни и рабства.

Речи Иова и вавилонского страдальца слишком похожи и могут использоваться для демонстрации информационной мифологемы. Некоторые фразы мы приведем для сравнения.

Реплики Иова

Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек... Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева?

Кости мои прилипли к коже моей и плоти моей, и я остался только с кожей около зубов моих.

Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки? Дети их с ними перед лицом их, и внуки их перед глазами их. Дома их безопасны от страха, и нет жезла Божия на них.

Реплики вавилонского страдальца

Только жить я начал — прошло мое время! Куда ни гляну, — злое да злое! Растут невзгоды, а истины нету!

Я голый остов, покрытый кожей. В лихорадке тело, охвачено дрожью. Недуг приковал оковами к ложу. Я заперт в темницу собственной плоти.

Но что за дела творятся в мире! Я в грядущем зрю гоненья и смуты! Как тот, кто молитвой не славит бога, В трапезы час не чтит богиню. Не склоняется ниц, не бьет поклоны, Чьи уста забыли мольбы и молитвы. Кто священные божьи дни не приветил, кто в небреженье презрел обряды, в почтенъе и страхе не вел свою паству.

Как мы видим, ряд реплик Иова представляют собой более сложные трансформации фраз вавилонского страдальца. Это не единственные совпадения, и при необходимости можно найти их куда больше.

Есть также предположение, что некий реципиент поэмы о вавилонском страдальце присутствует и в Махабхарате. Так называемая повесть о Савитри, возможно, является уже сюжетной трансформацией вавилонской поэмы. Приводить текст повести я не буду, при желании читатель сам может ознакомиться и поискать совпадения.

Другими словами, информационные трансформации – пусть малозначительные, но все же важные элементы исследования мифа, к которым иногда приходится обращаться.

Географические мифологемы и их трансформации

Географические мифологемы – мифологемы, отвечающие за географические признаки мифа, в том числе названия городов, стран, географических объектов вроде гор, озер, рек, океанов и многого другого.

Мы знаем, что библейские события преимущественно связаны с Палестиной – городами вроде Израиля, Иерихона и т.д. Аналогично события Махабхараты и Рамаяны связаны с древними индийскими городами вроде Двараки, Айдохья, с рекой Ганг. События финикийских мифов были связаны с Тиром, Библом, горой Цапану. В каждой культуре есть свои священные места, города, которые становятся местом событий.

Географические мифологемы включают и различные признаки вымышленных объектов, связанных с событиями мифа. Кельтский Аваллон, Атлантида, гора Меру – все эти места также явно мифичны, но при этом могут иметь какую-то реальную основу.

Географические мифологемы могут иметь какие-то общие признаки. Божества часто обитают на неких реальных или вымышленных горах вроде Олимпа, Синая или Меру. Антагонисты божеств пребывают в нижнем мире – Аду, Тартаре или царстве бога Ямы. Эти признаки подтверждают, что

мы имеем, скорее всего, с одними и теми же мифологемами, прошедшими трансформации в разных культурах.

Географические мифологемы не стоит путать с лингвистическими мифологемами, где аналогичным образом могут быть указаны названия тех или иных объектов. Впрочем, как мы видим, мифологемы разных групп могут перемешиваться между собой, и иногда сложно найти четкую грань между ними. В этом случае принадлежность приходилось давать чисто интуитивно. Тут уместно вспомнить шумерский город Урук, называемый греками Орхоном. Этот город мог «сместиться» в географическом пространстве в Палестину и получить название Иерихон.

Географические трансформации, или трансформации географических мифологем, – разновидность трансформации, которая наблюдается во время «миграции» мифа, когда миф теряет изначальные географические ориентиры и привязывается к новым точкам.

Именно географические трансформации значительно осложняют поиск источника мифа. Вместе с переселенцами-мифотворцами перемещалась и сама история – привязывалась к новым объектам и становилась историей местной. Можно уверенно утверждать, что 90% мировых мифов так или иначе «сместились» в географическом пространстве, потеряв изначальные ориентиры.

В качестве примера можно привести былинку о Садко – новгородском гуслисте, который своей игрой впечатлил мор-

ского царя, живущего в Ильмень-озере. Садко играл в гусли на берегу озера, и сам морской царь вышел из воды, восхищенный его игрой. Морской царь пообещал подкидывать золотой рыбы в его невод. Садко начинает использовать этот дар, чтобы биться о заклад с другими купцами.

После этого дела Садко пошел в гору, он разбогател и отправился в морское путешествие. По пути его корабли попадают в морской шторм. Садко понимает, что бурю наслал морской царь, от которого следует откупиться. Садко попытался бросить золото, но это не помогло, в итоге певцу пришлось самому броситься на дно морское. Там он встретил морского царя и стал играть в гусли, заставив танцевать царя и его поданных.

Уставший танцевать царь стал просить перестать, но Садко сказал, чтобы царь отдал ему в жены свою дочь и отпустил на волю. Царь так и сделал, и Садко оказался с невестой на берегу моря.

Как мы видим, история Садко имеет конкретные географические ориентиры – Новгород, Ильмень-озеро и т.д. Да и миф кажется, на первый взгляд, совершенно самобытным.

Но, как оказывается, история Садко не является оригинальной. В карело-финской мифологии присутствует подобный сюжет, когда бог Вяйнямейнен прибывает в подземное царство Похьелу. Вяйнемейнен пытается получить волшебную мельницу Сампо и начинает играть на музыкальном инструменте – кантеле, погрузив жителей Похьелы в сон. По-

сле чего Вяйнямейнен забрал Сампо и по морю стал возвращаться домой. Жители Похьелы проснулись и обнаружили пропажу. Они наслали на Вяйнямейнена бурю, после чего тот потерял свой кантеле[37].

Если копнуть еще глубже, то можно обнаружить некую основу в греческом мифе о музыканте Орфее. Орфей прославился любовной историей со своей возлюбленной Эвридикой, за которой он спустился в подземное царство Аида после ее смерти. Орфею не удалось оттуда спасти Эвридику, поскольку он обернулся посмотреть на нее вопреки запрету. Возможно, в изначальном варианте Садко был должен спуститься в подземное царство за своей невестой.

История с бурей, возможно, проникла в историю Садко из другого сюжета, также связанного с Орфеем. Орфей, будучи в морском походе аргонавтов, попал в страшную бурю. Орфей начал молиться Самофракийским богам, после чего буря утихла[38]. Этот сюжет присутствует и в Новом завете, когда Иисус Христос с учениками, будучи в морском путешествии, попадает в бурю, и лишь проснувшийся пророк смог ее унять[39].

Как мы видим, географические привязки мифа могут существенно меняться, поскольку сам миф постоянно движется не только во времени, но и в пространстве.

Межвидовые трансформации

Межвидовые трансформации, или трансформации мифологем различных групп, между собой являются дополнительными частными трансформациями и происходят, когда мифологема одной группы трансформируется в мифологему другой группы.

Такие трансформации также не редкость в мифологии. Например, есть предположение, что миф об охотнике Орионе является такой межвидовой трансформацией. Деяния Ориона представляют собой изложение астрономических символов (которые можно представить как образную мифологему) в сюжетную линию. Другими словами, Орион является отражением звездного неба.

Охотник Орион совершает ряд деяний – преследует деву Меропу и ее сестер Плеяд, теряет зрение и возвращает его благодаря богу Гелиосу. В конце концов Орион погибает от укуса страшного скорпиона. При этом созвездие Орион находится неподалеку от созвездия Плеяд. Созвездие же Скорпиона находится вдалеке от Ориона и никогда не находится с ним вместе на звездном небе – все якобы по воле Зевса.

В иудейской же мифологии созвездие Ориона называлось Кесиль, а Плеяды – Хима. В уже знакомой нам книге Иова встречается фраза «Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль?». Таким образом, условно можно ска-

зать, что образная мифологема переродилась в информационную.

Трансформации из образной мифологемы в сюжетную наблюдаются и в египетской мифологии, где, например, Осирис рождается в день зимнего солнцестояния. И, к слову, Осирис также связан с созвездием Орион в египетской астрономии. С этим созвездием был связан и индийский бог-охотник Рудра, история которого очень напоминает мифы об Орионе.

Нередко бывает и наоборот, что сюжетная мифологема трансформируется в образ. Например, отрубленная голова чудовища горгоны Медузы в мифе о Персее становится изображением, украшающим эгиду греческой богини Афины Паллады. Пример нельзя назвать самым удачным, но он условно близок к такой трансформации. Ведь этот образ стал постоянным атрибутом богини.

А теперь перейдем к следующему виду трансформации – структурной.

Структурные трансформации

Структурные трансформации информационного материала имеют заметное отличие от частных трансформации – они не связаны с изменением мифологем, лишь с изменением их порядка в структуре мифа. Во время таких трансформации происходит перетасовка мифологем, нередко их утрата или добавление новых.

Миф, прошедший структурную трансформацию без значительного участия частных трансформации, намного проще связать с донором или иным источником. Мы видим лишь перестановку каких-то сюжетов в хронологии мифа.

Для понятия принципа структурной трансформации проведем следующий мыслительный эксперимент, называемый **теорией бус**. Представьте, что имеются трехцветные бусы. Они представляют собой нить, на которую нанизаны чередующиеся наборы бусин трех цветов – красного, синего и зеленого. Причем каждый набор трех разноцветных бусин отличается от других определенной формой – скажем кругов, квадратов и треугольников. Отобразим эти бусы на схеме 7.

Схема 7. «Хронологические» бусы.

Представим, что нить – это некая хронологическая шкала. Каждый набор трех бусин – это определенный миф-донор, а каждая из бусин характеризует определенную мифологему донора. Красная бусина у нас будет характеризовать ролевую мифологему, синяя – лингвистическую, зеленая – сюжетную. То есть красная бусина будет отвечать за связь с персонажем или его прототипом, синяя – за имя персонажа, зеленая – за деяния персонажа.

Чтобы обозначить изначальную изолированность тех или иных доноров друг от друга, обозначим каждый набор определенной формой вроде кругов, квадратов и треугольников. Скажем, три разноцветных круга будут характеризовать какое-то историческое событие, связанное с персонажем А. Квадраты и треугольники – соответственно с персонажами Б и В.

Как мы видим, историческое событие, связанное с персонажем А, происходит раньше, чем событие, связанное с персонажем Б. Событие, связанное с персонажем Б, предшествует в свою очередь событию с персонажем В. Хотя в теории персонажи А, Б и В могут являться одним и тем же лицом, находящимся в различные моменты времени.

Хочется также добавить, что в наборе теоретически может быть не три разноцветные бусины, а большее количество. Дополнительные бусы в наборе могут означать присутствие в истории других мифологем вроде образа, информа-

ции, географического места события и многих других параметров. Но не будем перегружать нашу схему.

Представим, что по каким-то причинам нить «рвется», и бусинки разлетаются. Попытка их собрать на новую нить приводит к нарушению былой последовательности. И те бусины, которые были привязаны к тому или иному набору, теряют свой порядок и оказываются в другом наборе. Отобразим новый порядок на схеме 8.

Схема 8. «Хронологические» бусы после неудачного восстановления.

Во время этих искажений мы уже получаем другие сведения. Персонаж А сохраняет свое имя, но приобретает деяния личности Б. Персонаж Б теряет и имя, и свои деяния, взамен получая имя и деяния своих соседей. Персонаж В теряет имя, взамен получив имя Б. В итоге мы получаем искаженную версию изначальной истории.

Как мы видим, теория бус достаточно наглядно демонстрирует нам те процессы, которые происходят с мифологией, и даже не только с мифологией, но и вообще с информацией различного рода. Разрыв нити символизирует те или иные нарушения в человеческой памяти, из-за которых ин-

формация об исторических событиях оказывается искаженной. Причина «разрыва» может быть разной – утрата информации (с последующей попыткой реконструкции событий) или недостоверная передача сведений, как умышленная, так и случайная.

Различные исторические события могут влиять на смещения бусин, тут и гибель носителей памяти, культур в результате военных событий, намеренное изменение мифа в результате религиозно-политического заимствования. Каждый народ, культура зачастую имеет какие-то свои наборы общеизвестных мифов, но со своими локальными искажениями. Какие-то бусины просто исчезают с нити и из истории, а какие-то бусины дополняются новым комплектом – когда народ или культура начинает вплетать в нить свои изменения. Это значительно затрудняет поиск изначального порядка событий, мы можем лишь гадать, какие бусины сидят на своем месте, а какие были смещены.

Структурные трансформации представляют собой не замену кирпичиков-мифологем, а их смещение. Точнее этот процесс можно описать так – построение нового здания подобными кирпичами с оглядкой на старое здание. Кирпичи остаются такими же, а вот постройка меняется.

Структурная трансформация имеет несколько особенностей смещения мифологем при их передаче. Перечислим эти особенности:

- 1) Смещение мифологемы – смещение мифологемы ре-

ципиента по хронологической шкале относительно порядка донора. Это смещение может быть в две стороны – назад и вперед во времени. Таким образом, мифологема реципиента может относиться к более поздним или более ранним событиям, отличаясь от порядка донора.

Особенно это заметно при генеалогических погрешностях в мифологии. Например, персонаж древнегреческих мифов Беот, согласно Павсанию, был сыном некоего Итона. А согласно Геродоту, Беот приходился Итону отцом. Можно предположить, что этот миф прошел различные структурные трансформации, в результате которых пострадала генеалогическая линия. И пока сложно сказать кто прав – Павсаний или Геродот.

Хорошим примером такого смещения так же могут послужить мифы о греческих героях Геракле и Персее. Оба героя имеют общую сюжетную мифологему – спасения девы от морского чудовища. Персей спасает Андромеду, принесенную в жертву морскому чудовищу. Аналогичным образом Геракл спасает от такого же чудовища Гесиону. Детали спасения очень похожи – как правило, деву приковывают к скале на берегу моря в наказание перед богами.

При этом Персей является прадедом Геракла, и возможно, именно от него этот подвиг достался Гераклу. То есть история более раннего Персея послужила частичной основой и источником для реципиента – истории Геракла. Или обе истории являются реципиентами некоего третьего источника,

который нам неизвестен.

Предполагается, что чаще всего «старые» мифологемы попадают в истории новых персонажей, после чего преобразуются и «молодеют». Вероятность того, что старший Персей является «хозяином» мифологемы о спасенной деве больше, чем у младшего Геракла.

Вообще, рассматривая Геракла и похожих персонажей, можно отметить некоторых персонажей мифа как своеобразных «коллекторов» мифологем. Такие персонажи словно собирают подвиги своих предшественников и преобразуют их в новую форму.

Деяния Геракла – победа над драконом, львом, похищение яблок и многое другое – по всей видимости, были списаны с деяний не только Персея, но и других, куда более ранних героев вроде Мардука, Гильгамеша, Мелькарта и т.д. В этой куче наслоений мифологем очень сложно определить ту основу, которая являлась изначальной историей Геракла и других схожих ему героев-«коллекторов». Отделить историю от «лишних» мифологем возможно, но это долгий и кропотливый процесс.

2) Удаление мифологемы – самый распространенный случай потерь во время передачи мифологем. Во время передачи группы мифологем от источника реципиенту часть мифологем неизбежно теряется. И нередко в таком случае реципиент становится беднее источника (раннего реципиента или донора), хотя может компенсировать эти потери мифо-

логемами альтернативного источника. Удаляться могут мифологемы любого вида – от сюжетов до образов. Нередко исчезнуть могут и персонажи, династии и многое другое.

Для примера рассмотрим скандинавскую мифологию. В Старшей Эдде верховный бог Один указывается отцом бога грома Тора. Но в Младшей Эдде есть интересная генеалогическая вставка: Тор является фракийским царем, от которого в восемнадцатом поколении и происходит Один. Мало того, что персонажи меняются местами в отношении «предок – потомок», так еще и исчезает вся генеалогическая ветвь между ними. Такие династические «сокращения» происходят довольно часто.

3) Деление мифологемы – разложение мифологемы источника на ряд составляющих ее элементов при передаче ее реципиенту. Технически мифологема является своеобразным атомом или кирпичиком мифа, но это не мешает даже ей делиться.

Нередко мифологема представляет собой какую-то информацию, которая теоретически может разлагаться на составляющие. Например, представим себе некий образ-источник – грозный морской бог Нептун с рыбьим хвостом и трезубцем. Сам по себе образ может являться отдельной цельной мифологемой, но при его заимствовании могут использовать отдельные элементы – образ трезубца или рыбьего хвоста.

Примером может служить образ валлийского божества

Медравда, который в ранних версиях кельтского мифа был соперником короля Артура, претендующего на супругу короля Гвиневру. В поздних версиях мифа Медравд расщепился на два отдельных образа – благородного рыцаря Ланселота и коварного антагониста-племянника Мордредра. Из одного соперника мы получили двух независимых персонажей, конкурирующих с королем[40].

4) Дубликация мифологемы – явление, когда одна и та же мифологема передается от источника к реципиенту более одного раза, при этом часто трансформируясь. Дубликацию можно назвать противоположностью удаления. Она часто наблюдается в крупных эпосах, нередко мы видим одни и те же повторяющиеся сюжеты с незначительными отличиями.

Например, сюжет сватания в Махабхарате, при котором герой должен пройти сваямвару, т.е. брачное испытание, встречается несколько раз. Сваямвару проходит персонаж Бхишма, а также Нала и братья Пандавы.

В Библии мы также видим возможную дубликацию. Пророк Авраам вместе с женой Саррой оказывается во владениях филистимского царя Авимелеха. Восхищенный красотой Сарры, царь присваивает жену Авраама, и лишь вмешательство Бога заставляет вернуть женщину мужу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.